

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лыжи — дело семейное.

С Новым годом!

•

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Завьюжено, заметено,
сковало в камень воду.
Я не боюсь открыть окно
в январскую погоду,
увидеть синие холмы
сверкающего снега
и разноцветные пимы
девичьего разбега.
Вчера такой вот точно день
стоял над нашим миром,
и новогодних празднеств тень
ходила по квартирам,
пьянила запахом хвой,
отряхивала блестки
и раздала дары свои
на бойком перекрестке.
Но обозначил бой часов
великое мгновенье,
встал день, и мягок и суров,
над прошлогодней тенью,
над тем, что было хорошо,
над тем, что грустно было.
Морозно стало и свежо,
вся комната остыла,
поди, пора окно закрыть,
поставить чай на плитку,
свою осмеивая прыть,
спружиниться в улитку.
Но, словно приросла душа,
стою у новогодья.
Темнеет. Ветры, ворожа,
метель берут в поводья,
а засиявшие огни
во мгле вечерней бездны,
как наступающие дни,
загадочно чудесны.

ЗДР

Хорошо горят березовые!

АВСТВУЙ, ЗИМА!

Лыжная прогулка — лучший отдых для рабочих завода «Калибр». Фото А. БОЧИНИНА. Смотри стр. 32.

С днем рождения, республика! С днем рождения, Украина!

Киев. Просторный зал Октябрьского дворца культуры в праздничном убранстве. Под бурные аплодисменты места в президиуме занимают товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, П. Е. Шелест, В. В. Гришин, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, В. В. Щербицкий, руководители партийных и советских организаций Украины, Киева и области, знатные люди республики, главы прибывших на торжества делегаций союзных республик и городов-героев.

Торжественное объединенное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины и Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики, посвященное 50-летию Советской Украины, открыл член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест.

В почетный президиум с большим подъемом избирается Политбюро ЦК КПСС.

Председатель Верховного Совета Украинской ССР А. Е. Корнейчук предоставляет слово для доклада «50 лет Украинской Советской Социалистической Республики» П. Е. Шелесту.

Затем с речью «Под ленинским знаменем дружбы народов» выступил тепло встреченный присутствующими Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Товарищ Л. И. Брежнев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Украинской ССР орденом Октябрьской Революции. Затем Л. И. Брежнев огласил приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Товарищи П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий и вместе с ними знатные люди республики подходят со знаменем Советской Украины к столу президиума. Л. И. Брежнев прикрепляет орден Октябрьской Революции к алому полотнищу, по-братски поздравляет представителей республики с высокой наградой. Со словами благодарности партии и правительству от имени украинского народа выступает П. Е. Шелест.

Затем юбиляров приветствовали руководители делегаций, прибывших на празднование 50-летия Советской Украины.

Участники торжественного заседания с огромным воодушевлением приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Вечером в Октябрьском дворце культуры был дан большой праздничный концерт.

24 декабря в Киеве состоялся военный парад и демонстрация трудящихся.

Торжественные митинги и собрания трудящихся прошли во многих городах и селах республики.

ХАЙ ЖИВЕ РАДЯ

Юрий ЗБАНАЦКИЙ

ЗВЕЗДА НЕУГАСИМАЯ

Когда к знамени Советской Украины был прикреплен орден Октябрьской Революции, он сверкнул вдруг ослепительной звездой в лучах прожекторов, и яркая, как отблеск солнца, вспышка золота родила в переполненном зале тишину. Было именно так. Потом раздался гром оваций. Но перед тем, быть может, на полторы минуты раньше, глубокое и торжественное безмолвие потрясло меня. Мне показалось, что я слышу биение одного огромного, трепетного сердца. В зале собрались мои земляки, друзья, единомышленники. И я подумал: награда, украсившая грудь Украины в день ее славного юбилея, будет передаваться из поколения в поколение, как святыня, потому что это не просто награда — это признание заслуг моего народа перед человечеством.

Великая Октябрьская социалистическая революция возвестила начало новой эпохи на нашей древней планете. Революция разбудила умы миллионов, ее идеи победно шествуют по земле. И если целый народ получает всеобщее признание как один из зачинателей великого обновления мира, как же не гордиться нам, сыновьям его!

Орден Октябрьской Революции. Величественная и славная награда. Перед всеми, кто заслужил ее кровью, трудом, светлыми, гуманистическими устремлениями, будут склоняться внуки наших внуков. И очень знаменательно, что в числе первых кавалеров этого ордена — Советская Россия и Советская Украина.

Так праздновал Киев пятидесятилетие Советской Украины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 1 (2114)

1 ЯНВАРЯ 1968

Торжественное объединенное заседание ЦК КП Украины и Верховного Совета Украинской ССР, посвященное 50-летию Советской Украины. Вручение республике ордена Октябрьской Революции.

НСЬКА УКРАЇНА!

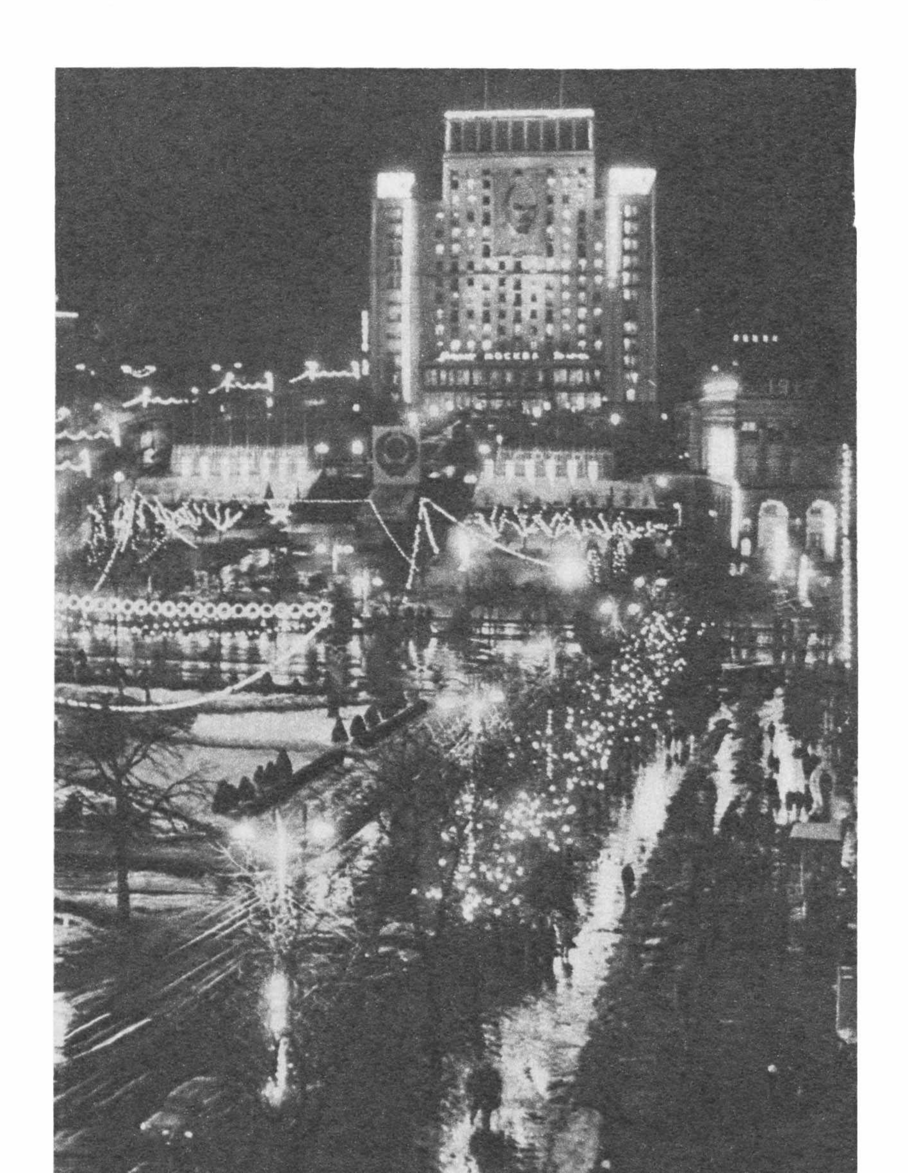

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Мы-россияне

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Так, вероятно, подумалось в эти дни каждому из нас, родившемуся на земле по имени Россия, земле, давшей не только приют, кров, пищу более чем ста национальностям и народностям, но и горделивое чувство личной причастности к чему-то очень уж значительному и возвышенному, что так или иначе связано с понятием России. Мы могли бы указать на многое из того, что дала она миру, что наполнило ее великим содержанием, что составляет ее своеобразие, неповторимость, и простое перечисление всего этого заняло бы многие страницы.

Конечно же, для начала мы бы вспомнили о ее чисто пространственном, географическом, что ли, величии, дающем ощущение бесконечности,— от одного этого уже захватывает дух. Об этом позаботились в далекие еще времена наши мужественные предки, оставившие нам в наследство безбрежную Русь, на которой мы теперь создали могучую Советскую Россию. Ныне без риска показаться смешным глупцом никто уж не назовет ее посконной, неповоротливой, отсталой, нищей, убогой и немощной, а ведь когда-то все эти уничижительные эпитеты были постоянными спутниками России, часто ее синонимами. Теперь мы слышим другое: «сверхдержава!». И нередко из уст тех, кого это меньше всего радует, из уст извечных наших недругов. Преображение России, как и всей земли, нареченной позже Союзом Советских Социалистических Республик, началось с Октября 1917 года. С той поры ее зовут первой среди равных или же старшей среди ее сестер. Не сама она присвоила себе высокое это звание: оно дано ей с учетом ее исторических заслуг перед всеми народами нашей страны. Начать с того, что она дала нам Ленина, а затем явилась родиной Октября, родиной Советов. Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы имя России стало священным для всего человечества. Сама-то она меньше всего думала о возвеличивании собственного имени и меньше всего стремилась подчеркнуть свои несомненные и неоспоримые заслуги.

Россия трудилась в поте лица, когда выпадал на ее долю мирный час. Россия мужественно сражалась, обливаясь кровью, когда на нас нападали враги. Принужденная то и дело браться за меч, она тем не менее успела и сумела в невиданно короткий срок сделать то, что решительным и коренным образом изменило ее облик. Ежели мы называем ее первой среди равных, мы ведь многое имеем в виду: и то, о чем уже сказано нами выше, и то, что ее индустриальная мощь дает две трети всей промышленной продукции страны и более половины общесоюзного производства зерна, мяса, молока, картофеля, то есть того, без чего, попросту говоря, немыслимо наше биологическое существование. Когда думаешь о ее индустриальном феномене, прежде всего потрясают такие цифры: валовая продукция промышленности РСФСР выросла относительно дореволюционной в шестьдесят семь раз. Что это значит? А то, что за пять дней она производит столько, сколько в прежние, царские времена производила за весь год!

Первая среди равных — это понимается как место, которое Россия занимает меж своих сестер — союзных республик. Ежели иметь в виду русского человека, то его нередко называют старшим братом. И не только в других союзных республиках, а и в его собственной, ибо в понятие россиян входят и представители ста национальностей и народностей. Многие из них не имели до революции своей письменности. Революция, русские люди помогли им обрести таковую и осознать свое значение. Теперь все, решительно все народы, населяющие Российскую республику, сообща и каждый в отдельности не только созидают материальные, но и великие духовные ценности, делая их достоянием всей страны, нередко всего мира. Подумать только: более половины населения республики, где не в такие уж отдаленные времена целые народы (народы!) были сплошь неграмотными, имеет ныне высшее, среднее или незаконченное среднее образование! И не мудрено, что теперь уж никому не в диковинку, что Российская земля рождает своих собственных Невтонов, что ее сыновья выходят на самую высокую грань человеческих познаний, что вслед за русским Юрием Гагариным она смогла послать в космос Андрияна Николаева, чуваша по крови, россиянина по принадлежности,— это самое что ни на есть убедительное свидетельство и истинной дружбы и истинного братства, предполагающего безусловное равенство как в высоких правах, так и в высоких обязанностях перед страной, перед революцией, перед народом, перед нашим удивительным временем.

Обязанность перед революцией! Россия может с чувством до конца и честно исполненного долга сказать о себе: да, эти обязанности она понимает, они оказались ей по силам, более того, они по душе ей, ибо служит она великому советскому народу. И с сознанием честно исполненного долга прикрепит к своему знамени третий орден — орден Октябрьской Революции.

Как же в такой час не сказать гордо: «Мы — россияне!» — как не поздравить друг друга, не пожелать нового счастья!

В добрый час, в добрый путь, россияне!

---

100 миллионов!

Дед-мороз приехал на завод в красном «Москвиче». Увидев в окне белую бороду и шапку с блестками, вахтер оторопело отдал честь. Дед-мороз торжественно прошествовал в электросталеплавильный цех. На сей раз он шел не раздавать подарки, совсем наоборот: подарок должны были вручить ему. И какой подарок!..

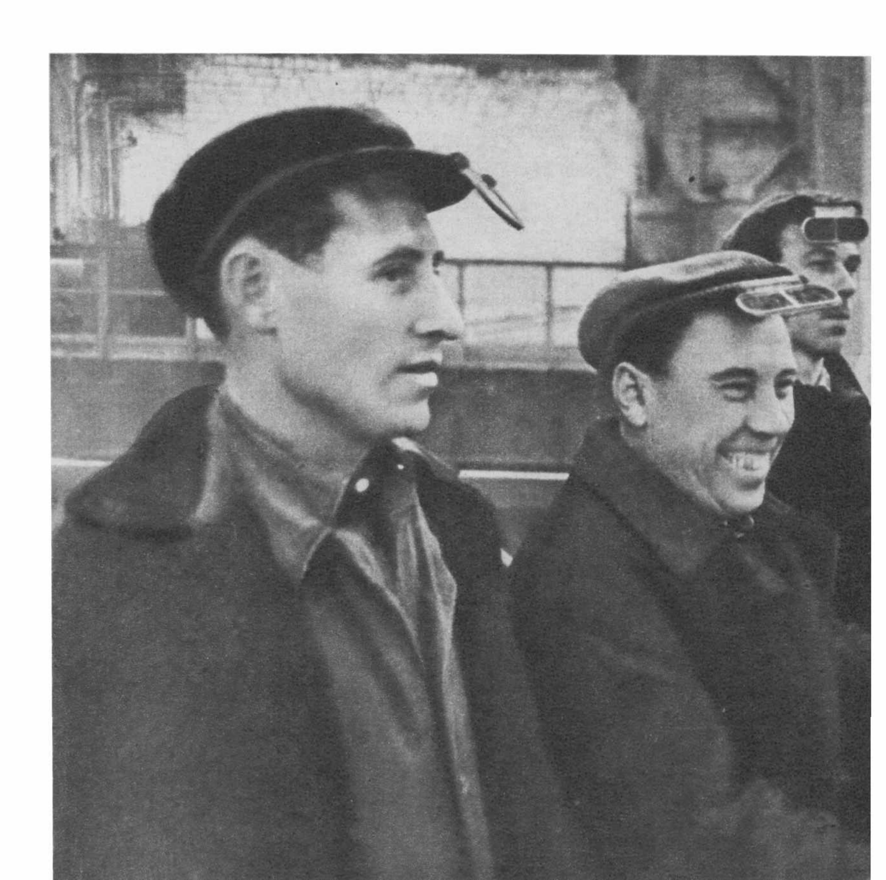
В год пятидесятилетия Великого Октября советские металлурги перешли знаменательный рубеж — сто миллионов тонн стали в год! Разные советские республики внесли свой вклад в плавку стомиллионной тонны стали юбилейного года. На Ново-Липецком металлургическом заводе это право завоевала бригада коммунистического труда старшего сталевара Павла Озерова.

— Пусть эта сталь будет подарком стране к Новому году, а нам, металлургам России, особенно приятно, что эта плавка совпала с еще одним большим событием — награждением республики орденом Октябрьской Революции.

За таким подарком и шел в цех дед-мороз. Слиток из стали самой знаменитой плавки! Самый тяжелый новогодний подарок!

Позже из этой стали отольют памятную доску и вычеканят на ней имена всех участников исторической плавки: старший сталевар Павел Озеров, мастер Николай Буз, пультовая Нина Овчинникова, подручные Михаил Хованский, Михаил Грезин, Василий Лукачев, Валентин Курилин, Эдуард Свиридов.

В. ТИХОМИРОВ
Фото автора.

Песня о России

Музыка Асии **СУЛТАНОВОЙ.**

Стихи Гарольда **РЕГИСТАНА.**

Гром ракет, города
И раздольные песни
Ты дала мне в наследство,
Щедрая мать.
Сладок хлеб твой всегда,
Заработанный честно.
Так от чистого сердца
Ты позволь мне сказать:

Припев:

Нет прекрасней садов и озер
твоих синих.
В сердце светится стройных берез
белизна.
Невозможно на свете прожить без
России,
Потому что Россия — одна!

За тебя погибал
Я в солдатской шинели.
И опять воскресал я
Ради тебя,
Чтоб заводы росли,
Чтобы нивы шумели,
Чтоб счастливые люди
Повторяли, любя:

Припев.

Здесь мой дом и друзья.
Здесь любовью звенели
В соловьиные ночи
Наши сердца.
Пусть же имя твоё
Сын твердит с колыбели.
Пусть, за всё благодарный,
Помнит песню отца:

Припев.

Владимир **ТУРКИН**

Меньшому брату

Он нерешительно, невесело
Ждал праздника, ждал день за
днем...
Он — старший среди прочих
месяцев,
И вся ответственность — на нем.

Ах, эти братья, всё забросили:
И дождевую кутерьму,
И пыль дорог, и слякоть осени
Взвалили на́ плечи ему.

Декабрь шушукался с морозами,
Декабрь решился наконец—
Одел всю землю в цвет
березовый,
Как мать невесту — под венец.

Укрыл снежком малютку елочку
И, как творец с карандашом,
С метельной кисточкой — с
метелочкой —
По каждой улочке прошел

Вдоль всех домов... А утром
раненько
Уже высвечивали мглу
Пейзажи в окнах, как в
подрамниках,
Веселой кистью по стеклу!

Он под шаги ребячьи дружные
Метнул снежку: «Пускай скрипят!
Пускай девчата незамужние
В такие полночи не спят!»

Все провода проверил ощупью,
Послушал, как поет земля,
В знакомый бой курантов с
площади
Чуть-чуть добавил хрусталя,

И на часы взглянул над башнею,
И крикнул весело: «Дарю
Все это
Маленькому,
Младшему,
Меньшому брату —
Январю!»

20 декабря в празднично украшенном Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание представителей трудящихся Москвы и работников органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, посвященное славному пятидесятилетнему юбилею чекистов.

На заседании присутствовали тепло встреченные собравшимися Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, видные государственные деятели, министры СССР и РСФСР, маршалы Советского Союза, члены коллегии Комитета государственной безопасности, секретари МГК и МК КПСС, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Моссовета, прославленные чекисты, передовики производства, деятели науки, культуры и искусства. Поздравить юбиляров приехали делегации органов безопасности социалистических стран.

Торжественное собрание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов огласил приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР работникам советских органов государственной безопасности. С докладом выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов.

Участники собрания направили приветственное письмо в адрес ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

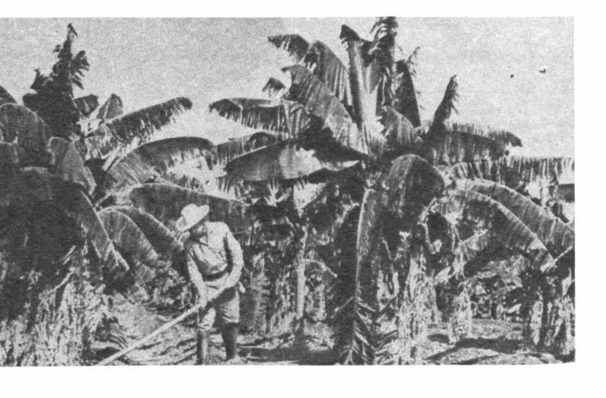

Фото А. Устинова.

ЩИТ И МЕЧ РОДИНЫ

1 ЯНВАРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 9 ЛЕТ СО ДНЯ ПОБЕДЫ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТАКОЕ СЛАДКОЕ СОЛНЦЕ

Раскаленная солнцем бетонная стрела причала далеко вонзается в море. У причала ослепительно белый теплоход под красным флагом с серпом и молотом — «Касимов». В распахнутый трюм с шипением бьет сверкающая белая струя. Идет так называемая засыпка сахара навалом.

— Чтобы загрузить такое судно, уйдет немногим больше суток. А если грузить в мешках,— дней десять,— объясняет ответственный в порту за погрузку Лоренсо Гонсалес, седой мужчина в очках.— С начала года из этого порта ушло с сахаром около пятидесяти судов, из них треть загружали навалом.

Первое равноправное торговое соглашение в кубинской истории было подписано революционной Кубой с СССР в начале 1960 года. Его назвали здесь одним из самых выгодных соглашений, которые когда-либо заключались республикой. Произошло это после того, как США, прежде закупавшие ежегодно на грабительских условиях 60 процентов производимого здесь сахара, прервали торговые отношения с Кубой. В 1964 году Советский Союз и вслед за ним и другие социалистические страны заключили с Кубой договор о ежегодной покупке у нее твердого количества сахара по твердой цене.

В кубинском министерстве сахара мне рассказали, что четыре года назад на поля вышли первые машины, сажающие черенки тростника, первые культиваторы, первые сахароуборочные комбайны, первые погрузчики стеблей — «альсадорас». Сконструированные на советских заводах «альсадорас» почти полностью вытеснили ручную погрузку тростника.

Заместитель торгпреда СССР на Кубе Ю. А. Кожин говорит мне:

— На кубинских плантациях работало в прошлую сафру свыше 900 сахароуборочных комбайнов. Они спроектированы и построены у нас в Союзе в рекордные сроки — за год. На кубинских плантациях конструкции комбайнов пришлось доводить и додумывать. Каждую сафру здесь работали советские специалисты.

Мы побывали на опытной плантации в Пинар-дель-Рио.

...В окружении густого, шуршащего на ветру тростникового леса навес из досок. Внутри в аккуратном ряду четыре красных трактора с буквами «МТЗ» и четыре кровати. Это — постоянное место жительства молодежной экспериментальной бригады механизаторов. В ней пятеро кубинцев-механиков: один — член партии, четверо — комсомольцы. Руководит бригадой молодой инженер Вилен Сукеасян, огромный смуглый богатырь из Армении. Работать на Кубу он приехал в 61-м с первой группой наших молодых сельских механизаторов. Это была его инициатива — полностью механизировать процесс выращивания и уборки тростника.

Начали два года назад: расчистили, перепахали заново свои владения. Переделали уже существующую машину для посадки тростника. Посеяли черенки крепких, неполегающих сортов. Обычно на посадке одной кабалерии земли (1343 ара) занято 60 человек, а у них при полной механизации один человек справился с двумя кабалериями. Сконструировали культиватор-удобритель, вернее, перестроили с учетом кубинской почвы наш советский культиватор — сами возили его в мастерские, сами сваривали. Машиной заинтересовались в Гаване, по ее примеру стали переделывать остальные культиваторы. Комбайн экспериментальной бригады рубит посаженный год назад тростник по 12—15 тысяч арроб в день. Это вдвое больше обычного.

Говорят, подобные бригады думают организовать в остальных пяти провинциях. А ребята Вилена уже мечтают о том, когда при каждом из работающих на Кубе комбайнов будет работать такая бригада. Прикидывают, что сэкономлен тогда будет не один десяток миллионов песо...

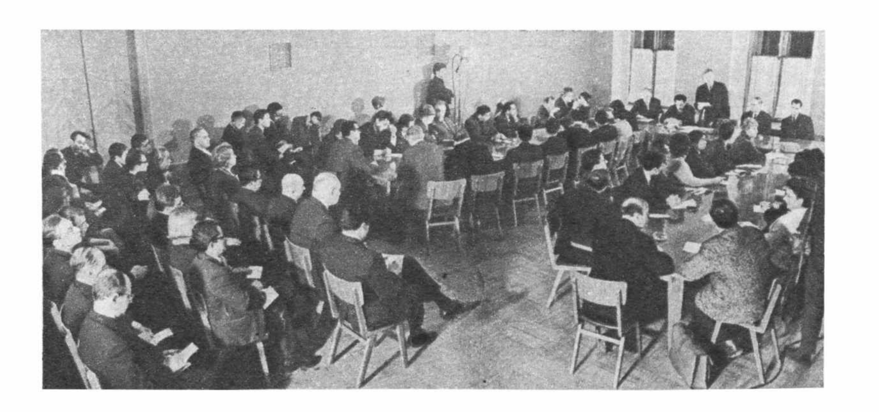
Ирина ХУЗЕМИ

Гавана.

НА СТРАЖЕ МИРА И ИНТЕРЕСОВ РОДИНЫ

В юбилейный год нашей страны исполнилось пятьдесят лет советской внешней политики и дипломатии. Создателем внешней политики Советского государства, творцом ее принципов и методов был В. И. Ленин. Им заложена ее генеральная линия, направленная на сохранение мира, на защиту свободы и независимости народов, на отпор империалистической агрессии. Полвека советская дипломатия, придерживаясь этих принципов, защищает мир и интересы нашей Родины. Л. И. Брежнев во время празднования пятидесятилетия Великой Октябрьской революции говорил: «Нашу внешнюю политику одобряют и поддерживают весь советский народ, все сторонники свободы, прогресса и мира».

В связи с юбилеем советской дипломатической службы МИД СССР устроил пресс-конференцию, на которой с рассказом о ленинских основах внешнеполитической деятельности Советского государства выступил заведующий отделом печати, член коллегии МИД СССР Л. М. Замятин.

На снимке: во время пресс-конференции.
Фото Б. Кузьмина.

Первый отпуск

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

60 рабочих дней Предсовнаркома слились как бы в один день — без отдыха, без выходных. Шестьдесят суток минуло, как свершилась революция.

Понедельник... Среда... Суббота... Воскресенье. Любые сутки любой революционной недели начинались у Главы Советского Государства ранним утром, кончались — глубокой ночью или на рассвете.

Полистайте страницы биографической хроники В. И. Ленина и воспоминания тех, кто работал с ним. Вы увидите, как предельно были загружены у Ленина каждый час, каждая минута. Около часа ночи Ленин на Путиловском заводе беседует с рабочими, дает задание ускорить постройку бронепоезда и сборку орудий, в два часа ночи он в Смольном — в штабе Военно-революционного комитета, в пять утра принимает наркомов. Утром Ленина ждут в приемной: рабочие, отбирающие у хозяев заводы, крестьяне разбуженных революцией сел, солдаты красных полков, уходящих на фронт.

Об отдыхе в Совнаркоме не думали. Если и ложились прикорнуть, то на те же столы, за которыми работали, или на диваны, освободившиеся от посетителей. Однажды Владимир Ильич заглянув в комнату управления делами СНК, увидел, как на диване, вытянувшись во весь рост, спал В. Р. Менжинский. А над диваном, на стене, висел лист бумаги с надписью: «Комиссариат финансов». Ленин добродушно засмеялся и сказал Бонч-Бруевичу, что это очень хорошо, когда комиссары начинают с того, что подкрепляются силами.

Со дня революции восемь раз срывали воскресные листки календаря. И все восемь «красных календарных дней» были для Председателя Совнаркома рабочими. В воскресенье Владимир Ильич созывал заседания Совнаркома. В воскресенье выступал с докладами на съездах и собраниях. В воскресенье подписывал новые декреты. В воскресенье принимал дипломатов.

«...Ему некогда было спать. Он не мог часто уснуть от нечеловеческого напряжения сил,— вспоминала секретарь Совнаркома М. Н. Скрыпник.— Уже тогда начал он подрывать свое здоровье, сгорать на огне революции, душой и мозгом которой он был...»

Надежда Константиновна Крупская советовала Владимиру Ильичу сделать хотя бы небольшой перерыв в работе и уехать на несколько дней за город. Нарком госпризрения А. М. Коллонтай говорила, что главный врач санатория «Халила» И. Г. Габрилович с радостью предоставляет в полное распоряжение В. И. Ленина свой служебный флигель. Но Владимир Ильич упорно отказывался ехать в санаторий. Коллонтай настойчиво продолжала убеждать Ильича: новый, теплый, светлый особняк в «Халила» стоит в густом лесу, вдали от главных построек санатория. Владимир Ильич сможет ходить на охоту.

— Охота — вещь хорошая,— говорил Ленин,— да вот дел у нас непочатый край, развернулись, а наладить новое государство в два месяца — это и большевики не могут. На это потребуется по крайней мере десяток лет.

— Что же, ты так и будешь безотлучно сидеть? — спрашивала Крупская.

— Ну уж там дальше посмотрим,— отвечал Ленин.

23 декабря (старый стиль). Суббота. Раннее утро. Смольный. Ленин — в кабинете. Владимир Ильич подписывает удостоверения тем, кто уполномочен Совнаркомом вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами германской коалиции. Ленин подписывает Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам, Декрет СНК о новом порядке помощи увечным воинам и их семьям; ставит свою подпись на служебном удостоверении вновь назначенного наркома; отправляет в Стокгольм телеграмму В. В. Воровскому; знакомится с обращением председателя ВЦИК Я. М. Свердлова и наркома продовольствия А. Г. Шлихтера «Ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» об организации при Советах продовольственных комиссий... Сегодня еще назначено и заседание Совнаркома. Владимир Ильич просматривает повестку дня, вносит свои дополнения. В общем, самая обычная рабочая суббота. Но в повестку включен вопрос, который за всю революцию ни разу не выносился на обсуждение: «Об отпуске членам СНК (Совнарком)».

Решение СНК состоится, сомнений в этом нет. Придется председателю идти в отпуск. Не помогут ссылки на занятость, неотложность дел... А вообще-то еще несколько дней назад после разговора с Крупской и Коллонтай у Ленина созрела такая мысль: раз отпуск неизбежен, следовательно, он будет использован для осуществления творческих замыслов. В лесу, в отдельном домике, он сможет кое-что написать. Ведь на это в Смольном совсем не хватает времени. И вот как-то утром, будто невзначай, Владимир Ильич сказал Надежде Константиновне:

— Если в наркомате у Коллонтай в самом деле есть отдельный домик в лесу, где мне никто не будет мешать, то я готов ехать.

О том, что Ленин смирился с предстоящей поездкой в санаторий «Халила», свидетельствуют и записи, сделанные им за два дня до заседания Совнаркома. 21 декабря Владимир Ильич записывает телефоны комиссара Финляндской ж. д. Э. А. Рахья, который потом будет его сопровождать в поездке, и члена коллегии наркомпочтеля А. В. Шотмана.

Поиски документов, связанных с первым отпуском Владимира Ильича Ленина, привели меня в Центральный Государственный Архив Октябрьской революции. Там в одном из фондов нашли очень нужную мне книгу. Внешне она выглядела, как и тысячи других конторских книг, в которые заносят входящие и исходящие бумаги. Но эта была особой, она называлась «Журналом», в котором регистрировались удостоверения и разные документы, выдаваемые Совнаркомом.

Первая запись сделана 3 ноября 1917 года, последняя — 18 января 1918 года. В графе «Содержание входящих бумаг» кратко сказано, кому и в связи с чем выдан тот или иной документ:

«Шаумяну Степану о назначении Временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа».

«Сидоренко Семену Михайловичу о том, что он действительно состоит личным секретарем председателя т. Ленина».

На этом же листе три записи, сделанные 22 декабря 1917 года. Все они имеют прямое отношение к предстоящему отъезду Владимира Ильича в Финляндию, в санаторий «Халила». Под номером 95 сказано:

«Владимиру Ильичу Ульянову на право проезда через Финл. гр.». Ниже зарегистрированы документы на имя Марии Ильиничны Ульяновой и Надежды Константиновны Крупской.

Совет Народных Комиссаров единогласно утвердил отпуск В. И. Ленину. Это постановление зафиксировано в протоколе. Сохранился ли он? В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС я обратился с этим вопросом к старшему научному сотруднику Александре Петровне Трошиной. И вот в моих руках маленькая металлическая коробка. В серебристом патрончике — микропленка, на ней запечатлен протокол, которому исполнилось пятьдесят лет! Чтобы прочитать микропленку, поднимаюсь этажом выше, в абсолютно затемненный зал. Включаю аппарат. Навожу на фокус. Справа — столбик текста, написанный чернилами. Вверху: «СЛУШАЛИ». Ниже: «4. Относительно отпусков тов. Ленину на 3—5 дней, тов. Дыбенко на два дня, Прошьянц на один день и о замене председателя Совета за время отсутствия тов. Ленина». Справа другой столбик: «ПОСТАНОВИЛИ. Отпуски разрешить. Председателем Совета Народных Комиссаров назначается Сталин, а заместителем его — т. Шляпников».

24 декабря кабинет вождя революции впервые был безлюден: Ленин уехал в свой первый отпуск. Газета «День», сообщив об этом, заметила, что Совнарком санкционировал отъезд Председателя СНК, учитывая то обстоятельство, что он «работал в последнее время 22 часа в сутки». На перроне Финляндского вокзала, у пассажирского вагона второго класса, толпились люди. В этот вагон вошли и Ульяновы. Владимир Ильич сел в уголке возле окна, рядом с ним — Мария Ильинична, напротив — Надежда Константиновна. В этом же купе — места для связного Ильича Эйно Рахья и двух красноармейцев.

А. М. Коллонтай, провожавшая Ленина, вспоминала позже:

— Владимир Ильич был в своем поношенном осеннем пальто, в котором он приехал из-за границы, и в фетровой шляпе, хотя был уже сильный мороз. Вслед за мной в вагон вошел товарищ, который нес три меховые шубы и меховую шапку с наушниками. Это вы наденете,— сказала я Владимиру Ильичу,— когда вам придется ехать на санях в открытом поле... От станции до санатория очень далеко.— Эти шубы,— добавила я,— взяты из склада наркомата.

— Это и видно,— сказал Владимир Ильич, отворачивая полу одной из шуб: на ней были нашиты номера склада и инвентаря.— Это вы для того, чтобы мы шубы сохранили и не забыли? Казенное добро учет любит. Так и следует.

Владимир Ильич был в приподнятом настроении, шутил, оживленно разговаривал.

— Так, значит, домик отдельный и теплый, говорите вы,— обращаясь к Коллонтай, спрашивал Ленин.— И в лесу охотиться можно? А есть ли там зайцы?

— За зайцев не ручаюсь,— ответила Коллонтай,— но, наверное, есть белки.

— Ну, белок стрелять — это детская забава,— улыбнулся Ильич.

— Лишь бы Владимир Ильич решился ходить по лесу, а не просидел все дни у письменного стола,— добавила Надежда Константиновна.

— Но там и в комнате воздух чище,— неопределенно сказал Ленин.

...Воскресным декабрьским днем Ульяновы вышли на тихой занесенной снегом станции. Закутавшись в широкополые, длинные шубы, они уселись в сани. Метель не утихала. На берегу скованного льдом озера Халилан-Ярви в густом лесу показались постройки санатория «Халила». Он был основан в 1891 году для туберкулезных больных и являлся «собственностью Российского государства».

Удалившись за десятки километров от Петрограда, Владимир Ильич увлеченно принялся «отдыхать». Он облюбовал себе письменный стол в уютной комнате и редко, очень редко выпускал из рук перо.

Вот первая страница рукописи, над которой Ленин трудился в лесном домике: «Из дневника публициста (Темы для разработки)». Этих тем здесь более сорока. Небольшая по объему статья «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Проект декрета о потребительных коммунах». И, наконец, «Как организовать соревнование».

— Эти статьи как нельзя лучше рисуют то, о чем тогда особенно усиленно думал Владимир Ильич,— говорит Крупская.— Его занимали тогда больше всего вопросы о том, как наилучшим образом организовать повседневную экономическую жизнь, как получше устроить рабочих, вытащить их из трудных условий, в которых они тогда жили...

Во время отпуска Ленин не только писал. Из «Халила» в Петроград и обратно непрерывно курсировал связной Владимира Ильича, верный его товарищ по подполью Эйно Абрамович Рахья. Он регулярно доставлял Ленину корреспонденцию. Из Петрограда Ленин получал доклады о положении в стране, особенно в ходе мирных переговоров. В «Халила» к Ильичу приезжали большевики — члены Учредительного собрания.

— Отдых как-то не выходил,— с грустью вспоминала Надежда Константиновна.— Ильич даже говорил иногда вполголоса, как в прежние времена, когда приходилось скрываться, и хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита: думал Ильич о делах и все больше писал...

28 декабря Владимир Ильич вернулся в Петроград и снова окунулся в дела. Но в водовороте событий Ленин не забыл и про шубы: «Посылаю Вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря Вашего наркомата,— писал Владимир Ильич Коллонтай.— Они нам очень пригодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо».

В том лесу, где провел свой первый отпуск В. И. Ленин, такой же, как и пятьдесят лет назад, чистый, целебный воздух. Резвятся, прыгая с ветки на ветку, пушистые белки. В просветах сосновых стволов виднеется корпус бывшего императорского санатория. Теперь он зовется «Сосновый бор». Триста человек одновременно лечатся здесь. Многое, и прежде всего мемориальная доска на здании, напоминает о том, что полвека назад здесь провел свой первый краткий отпуск вождь революции. Жаль только, что нет самого особняка, в котором жил Ленин. Две войны оставили от домика лишь каменный фундамент.

ДЕКАБРЬ, ЗАЛИТЫЙ СВЕТОМ

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

На исходе декабрь. Он необычен в этом году в Финляндии. Как всегда, веселым хороводом прошли рождественские дни, на улицах и площадях стоят новогодние елки. Но в их традиционные огни всюду вплелась цифра «50». Вот уже почти месяц вся страна залита светом этой знаменательной цифры.

6 декабря Финляндия торжественно отметила 50-летие со дня провозглашения независимости. А 31 декабря страна отмечает и другую дату: 50 лет назад в последний день 1917 года Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным, верное принципу права наций на самоопределение, признало независимость Финляндии.

Это был исторический акт. И финский народ понимает это. Президент Финляндии Урхо Кекконен сказал: «Великая Октябрьская революция сыграла исключительно большую роль также в истории финского народа. Эта роль была решающей, поскольку Великая Октябрьская революция заложила предпосылки для основания самостоятельного финского государства. Поэтому мы, финны, глубоко благодарны Великой Октябрьской революции и великому человеку, возглавившему ее».

Эту глубокую благодарность финского народа с особой силой ощущаешь в стенах Музея Владимира Ильича Ленина в городе Тампере. Этот первый ленинский музей за рубежом был открыт в 1946 году по инициативе общества «Финляндия — СССР».

Вот фотография с автографом, подаренная Лениным финскому рабочему-металлисту Оскару Энгбергу в память о годах, совместно прожитых в ссылке в Сибири. Рядом — номера «Искры» с ленинской статьей «Протест финляндского народа». Тут же и другие номера большевистских газет с работами Ленина по финляндскому вопросу.

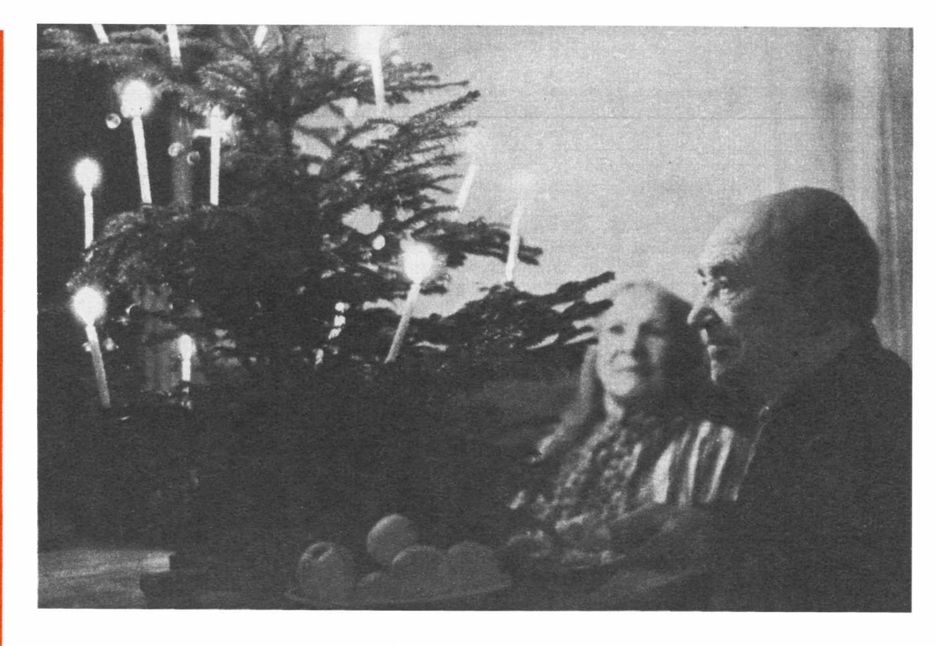
Географическая карта рассказывает о маршрутах 41 большевистского делегата, которые прибыли сюда в 1905 году на партийную конференцию. В этом самом зале, где висит сейчас карта, Владимир Ильич еще тогда дал делегации рабочих Тампере слово, что Финляндии будет предоставлена независимость, как только большевики придут к власти.

Десятки фотографий, документов и картин рассказывают о Ленине в Финляндии. В углу зала — обстановка комнаты машиниста Артура Блумквиста, в которой жил Ленин. Здесь же стол, за которым Владимир Ильич писал свою работу «Государство и революция».

Директор музея Арви Лаахсо говорит о нескончаемом потоке посетителей, показывает несколько больших книг отзывов. В них записи на русском, финском, немецком, польском, арабском и других языках. Одна из наших делегаций оставила в книге отзывов такие слова: «Большое русское спасибо финскому народу за то, что он свято чтит и хранит память о великом вожде нашего народа и трудящихся всего мира».

«Финляндию спасла российская революция»,— сказал в своем докладе на праздновании 50-летия Октябрьской революции в Хельсинки премьер-министр финского правительства Р. Паасио, тепло поздравивший тогда советский народ со славной годовщиной. В эти дни советские люди шлют финскому народу, нашему доброму другу и соседу, теплые слова привета.

Тампере.

БАЛТИЙСКАЯ САГА

Н. ХРАБРОВА

Фото В. Сальмре.

Бело в полях и холодно. Солнце едва поднимается над горизонтом, лениво выглядывает в прорехи облачных одеял. Леса полны студеного хвойного и снежного запаха. И только на самом краешке земли, там, где в мочалу исхлестаны желтые бревна пристани, незастывшее еще море отдает нам последнюю крупицу своего тепла.

Высокий, как дом, нагруженный рефрижераторами, самосвалами и лесовозами, паро́м прокричал трижды, щегольски развернулся в зеленой зыби пролива Суур-Вяйн. Отдалились берега. Балтика тяжеловесно ударила в борт глыбищей волны, и сразу стало романтически красиво и прозаически зябко.

Едем, плывем и снова едем и плывем — добираемся на Суурлайд, что по-русски означает Большой остров. Большим-то его можно назвать с натяжкой — просто он чуть побольше соседних лайдов — клочков земли в Моонзундском архипелаге. На Суурлайде, посреди стылого моря, как в сказке, живут двое: старик и старуха. И, как в сказке, старик ловит неводом рыбу (впрочем, эта снасть, кажется, называется иначе), а старуха прядет свою пряжу. Что-то подарила им золотая рыбка — судьба?

Мы везем на Суурлайд маленькую елку и посылку с коротким адресом: «Маме». Зима хоть и запаздывает, но все же наша лодка может оказаться последней в этом году. Стынут волны, стынут макушки торчащих из моря камней. Серый вечер медленно стекает с серого неба. И внезапно, как это часто бывает здесь, перед закатом выглядывает из-за туч сонный солнечный глаз, и на бледно-золотой дорожке мы видим темный силуэт лодки и рыбака. Старик и сегодня, как всегда, как много лет, ловит «неводом» рыбу...

Нельзя мешать ему, и мы без хозяина плывем к острову. Тростник и камни. Дощатый сарай на берегу. Сумеречные сосны. Дикая яблоня с желтыми яблоками на голых ветках. Вербы в седой опушке: от этих верб старик когда-то взял себе фамилию Паюлайд, потому что «верба» по-эстонски — «паю», а «лайд», как уже было сказано,— «остров». Ветряк крутится над тростниковой крышей дома. Чуть тянет домашним дымком. Сытые стриженые овцы бредут в открытые двери двора, и рыжая собака Леди встречает нас заливчатским лаем

В кухне топится плита, яркие блики дрожат на полу, на большом деревянном столе, в сумраке углов, где прячутся прялка, рогач для починки сетей, белый умывальный таз на старинной подставке. Женщина поворачивается к нам от плиты, и мы видим, что время не отняло у нее ни белизны и нежности кожи, ни прозрачности глаз. Не спрашивая, кто мы и зачем, она приглашает:

— Проходите и садитесь поближе к огню.

Минуя стадию знакомства, мы сразу становимся друзьями. Мне уже доверено чистить картошку и опускать в кастрюлю серебристые куски соленого сига. К приходу хозяина ужин готов.

Три раза в этот вечер менялась погода: сначала висели над островом звезды, крупные, как серебряные дикие яблоки, потом неслись непричесанные, будто спросонья, куда-то опоздавшие облака, потом то ли дождь, то ли снежная крупка застучала по стеклу. А мы все разговаривали в преддверии Нового года, даже елку до времени зажигали, и спрашивали, и слушали. В старый дом невидимо входили и невидимо покидали его воскрешенные памятью люди.

Старый Мадис полюбопытствовал:

— Вы ведь русская? Я уловил по акценту, когда стали говорить быстро и много. Ну, а раз вы русская, то зовите меня Максимом Ивановичем, а Эми — маму — Екатериной Тимофеевной. Мы тут, как почти все эстонцы на островах, православной веры и названы православными именами. Мадисом меня стали звать позднее, по-народному, по-эстонски.

— Максим Иванович, кого вы помните из самого старшего поколения?

— Деда Михкеля. Он не здесь жил, а на Му́ху, у самого причала.

— Он был тоже рыбак?

— Он был раб у барона. Крепостной, понимаете? Он от света до темноты и в темноте тоже делал для него все. Возможно, и рыбу ловил.

Отец Максима Ивановича ровно сто лет назад попал на остров сторожить баронские покосы. Стал рыбаком и остался на острове. Здесь всегда много рыбы, был покой и относительная недосягаемость от управляющих, надсмотрщиков, сборщиков налогов. У Ивана было 12 детей, девушки повыходили замуж кто куда, а парни — Максим и Василий — жили на острове. Василий повез однажды рыбу в Стокгольм и не вернулся. 23 дня искали его в море, на 24-й нашли, похоронили на Му́ху, на Хелламаском кладбище.

— Екатерина Тимофеевна красивая была?

— Еще бы! Ладно-ладно, мать, ты ведь очень тонкая штучка была. Она в школу три зимы ходила, у барона в усадьбе работала, потом в Аренсбурге — теперешнем Кингисеппе — год училась шить. И еще целый год в Петербурге у русских аристократов домашней портнихой была. Я с ней на Му́ху на танцах в отпуске познакомился. А служил я, между прочим, в царском флоте рулевым на дредноуте «Петропавловск». Я служу, а она меня ждет. Год ждет, другой ждет, третий ждет и четвертый. На исходе четвертого думаю: не будет больше ждать, наряжаться любит, женихи там, наверное, крутятся без всякого отбоя и стыда. Да и мне уж тридцать один год был, а ей — двадцать пять. Пошел к командиру. «Так и так,— говорю,— отпустите меня, ваше благородие, на две недели домой жениться». Командир вскакивает с дивана и отвечает: «Не пущу!» А что вы думаете: легко ли ему было меня отпускать, если, по справедливости говоря, рулевой на дредноуте — второй человек после командира? Да еще к тому же командир был старый холостяк. «Не пущу,— говорит,— и не дам я тебе сделать эту страшную глупость — жениться». Ну, я же недаром эстонец, да еще с Му́ху, переупрямил я его, приехал, женился и увез Эми на базу, в Гельсингфорс. Она там год жила, шила в мастерской.

А происходило это пятьдесят лет назад, так что нынче в июне Эми и Мадис справляли золотую свадьбу, пятьдесят гостей приплыло на Суурлайд, и пир был на славу.

В 1920 году после войн и разлук они поселились на острове и стали строить дом — вот этот самый, под этой самой тростниковой крышей, которая, как думает Мадис, должна прослужить еще сорок лет. И родился у них в октябре 1921 года сын Манивальд, а потом пошли дочери: Хильдегард, близнецы Миранда и Армильда и самая младшая, Сальмерине.

— Они все учиться хотели,— вспоминает мать,— я только и помню, как провожала их в школу на Му́ху то на лодках, то на лошади по льду. Картошки с собой давала, иногда мяса, рыбы во всех видах... Это зимой тут у нас, может, и скучновато, а летом, бывает, как съедутся дети, на Суурлайде шумно, как в городе. Приезжайте летом — увидите.

Далековато до лета. Снежная крупка стучит в стекло, декабрьское море шумит в тростниках. Много осеней, зим и весен прожито без детей... Вдвоем.

Правда, есть разговорчивый всезнайка — батарейный радиоприемник «Минск», он тут как третий

А. Тимофеев
(Москва).
ВЕСНА.

С. Пиноян (Ереван). АСТРОФИЗИКИ.

человек. И есть большая любовь, долгая, не размененная в лишних словах и утвержденная в больших и малых поступках. Настоящая любовь подарена судьбой этим двоим на маленьком островке.

Возить бы на Суурлайд всех неверных, незаботливых, всех неумеющих любить! Пусть учатся у восьмидесятилетнего Мадиса доить корову, потому что у Эми стали болеть руки; носить воду, потому что на кухне нет водопровода, а до колодца как-никак целых десять шагов; заготавливать сухие, мелко наколотые дрова, чтобы Эми было полегче разводить огонь; кормить крикливых кур по утрам, чтобы не мешали ей еще немного подремать.

Пусть учатся у старенькой Эми, как ревматическими пальцами прясть тонкую пряжу и вязать плотные и теплые, как полушубки, свитеры — темно-синие, с оранжевым старинным мухуским узором,— чтобы Мадис не зяб в этом вечно холодном море; стоять у плиты, варить супы, жарить рыбу, делать соусы...

Он мог бы и вовсе не ходить в море, Мадис-то, потому что оба они получают пенсию и дети рады помочь. Но не ходить ему в море все равно, как Толстому под старость перестать писать книги или Коненкову перестать оживлять дерево, потому что Мадис — талантливый рыбак, и о талантах его на Му́ху рассказывают легенды. Ну, например, он увидел однажды, как заезжие любители лихо выхватывали спиннингом щук. Он недолго думал — сам сделал несколько спиннингов, прикрепил их в ряд на брусок и опустил за моторку. И весь квартальный план за три дня выполнил, так что колхоз ахнул... Ныне он ловит по-пенсионерски, немного, но зато таких красавцев привозит в ивовой корзине, что Эми не устает радоваться: то-то можно будет попотчевать гостей! Может, Манивальд приедет: он всегда любит неожиданно приезжать. Например, в сентябре 1944 года, когда мать уже тысячу раз успела похоронить его на страшных полях войны, он вдруг вынырнул из утреннего тумана и сказал ей, шедшей с подойником по двору:

— Здравствуй, мама! Как ты постарела!..

— Матери от ожидания не молодеют, сынок,— ответила она и не пролила при нем ни единой слезы. Зато отец вбежал в дом, увидел Манивальда, закрыл глаза рукой, и заплакал, и обрадовался сразу, что пришел сын живой, в офицерских погонах, с колодками медалей и орденов.

Манивальд обнял его и сказал:

— Я стал коммунистом на войне, отец.

Он был отличным солдатом. И снова ушел с острова побеждать до конца. Но любил-то он больше всего мирное море и рыбачье ремесло и тоже очень хотел учиться, потому и получился из него необычной профессии человек: ученый рыболов. Он работает главным конструктором в учреждении с очень длинным названием, которое занимается усовершенствованием орудий лова: этому он научился и в детстве, на Суурлайде, и в Москве, в институте. Он написал книгу «Опыт лова угря в колхозах Эстонской ССР» и считается большим специалистом и знатоком всяких сложных историй с переселениями, странностями и капризами угрей. Но кабы только это! Однажды Манивальда опять долго не было, потом он приехал, конечно, неожиданно, и мать спросила:

— Где это ты так долго пропадал?

— Я был в Танзании, мама.

— Это где — в Эстонии, в России или еще где?

— Это в Африке, мама.

— Господи спаси и помилуй! Что же ты там делал?

— Должность у меня такая — называется «эксперт Организации Объединенных Наций по вопросам рыбной промышленности». Ну, а чтобы тебе понятнее было — так мы стараемся передать странам с более слабой, чем у нас, техникой лова наш рыболовецкий опыт и механизмы.

— Да уж опыта у наших мухуских рыбаков хватает,— гордо сказала Эми и, когда Манивальд улыбнулся, знающе добавила:— И техника тоже ничего, хорошая. Ты про отцовы спиннинги слышал?

Манивальд посмеялся и сказал:

— Ах ты, отсталая женщина, а еще жена и мать рыбаков! Слушай...

И она внимательно слушала про рыбную разведку в океанах, про экспедиции ихтиологов, про дрифтельные сети и про ту сетепосадочную машину, за которую он, Манивальд, этим летом получил золотую медаль ВДНХ. И все прекрасно поняла жена и мать рыбаков.

Недавно Манивальд ходил в Белое море, а вскоре уедет в Индию — и туда уж не пошлешь свежепросольных сижков.

А вот для Хильдегард мы привезли с Суурлайда аппетитно пахнувшую посылку и показали ей фотографии, сделанные на острове. Хильдегард смотрела их, а мы смотрели на нее и все читали по ее лицу, такому же светлому, как у матери: и заботу о стариках, и радость, что они веселы и здоровы, и мгновенно вспыхнувшую тоску по острову. Она вздыхала, улыбалась, смеялась, расспрашивала, благодарила за посылку. И мы ушли бы из бухгалтерии Академии наук ЭССР, совершенно уверенные в том, что Хильдегард мягка и нежна характером необычайно, но вдруг раздался телефонный звонок, и кто-то спросил главного бухгалтера Хильдегард Побуль. Она взяла трубку — и в мгновение ока один человек сменился другим.

— Побуль слушает,— сказала она строго, долго слушала говорившего и возразила:— Но вы должны знать, что это невозможно до тех пор, пока не будет решения президиума академии.

И положила трубку.

— Ого!— сказали мы.

— Ничего не «ого»!— все еще строго сказала Хильдегард.— Я в этой системе работаю двадцать один год, начала счетоводом и стала вот главным, на моей ответственности двадцать один объект!

Потом, когда мы познакомились поближе, она рассказала, что отец в самом раннем детстве научил ее считать позором безделье и неточность, и она стыдилась, если он видел ее хоть секунду неработающей.

Любит ли она свой труд, такой сухой на первый взгляд, так редко радующий зримым результатом? Любит. Любит свою семью и свой дом в Таллине. И свой маленький остров и проливы любит так, что еще ни разу никуда не уезжала в отпуск: только на Суурлайде хорошо отдыхается и ей, и ее мужу, и детям. Самое лучшее воспоминание ее жизни — это свадьба по всем островным канонам, когда сто гостей приплыло с материка в лодках, украшенных березовыми ветками, и веселье длилось три ярких и теплых дня. Ровно год спустя привез на Суурлайд своих свадебных гостей и Манивальд, и его свадьба была тоже по-островному веселой.

Из близнецов мы сначала познакомились с Мирандой — экономистом министерства финансов. А когда подошло время знакомиться с Армильдой, мы встали в тупик и спросили:

— Это мы с вами уже знакомы или с вашей сестрой?

Армильда сначала помучила нас, посмеялась, а потом объяснила:

— Между мной и сестрой есть существенная разница: она экономист, а я инженер. Разве можно такие вещи путать?

Так все младшее население маленького островка в годы Советской власти получило образование, и Суурлайд дал Эстонии одного ученого, одного экономиста, одного инженера и одну учительницу, которой оказалась младшая сестра, Сальмерине. Все они живут и работают в Таллине, все очень заняты и очень дружны между собой. Раз в неделю четыре сестры встречаются в обеденный перерыв и обедают вместе в кафе «Москва». И несколько раз в год, а уж в отпуск и в летние каникулы неукоснительно со своими мужьями, чадами и домочадцами — а всего их в семействе Паюлайд девятнадцать человек — уезжают на Суурлайд. Иногда все сразу, а чаще по очереди, чтобы с мая по сентябрь кто-нибудь непременно был на острове, помогал косить сено, сажать и копать картошку, ловить рыбу.

И старая дикая яблоня цветет для них пышным розовым облаком, и волны со всех сторон поют им ту самую старую и милую песню, что была в детстве их колыбельной, и белые ночи, как белые лебеди, парят над островом все лето. Где-то здесь, в прозрачных водах проливов, живет добрая золотая рыбка, стережет счастье.

Фазу АЛИЕВА

ЗЕРКАЛО

О зеркало!
Его рожденье,
Его явление на свет
Такое вызвало волненье,
Которому сравненья нет.
Все человечество спешило
Взглянуть на это колдовство,
Одних
В тоску оно вводило,
Другим
Дарило торжество.
О, сколько женщин так поспешно
Отпрянуло,
Чтобы потом
Взглянуть тайком и неутешно
Поплакать над своим лицом!
И скольким женщинам отраду
И гордость зеркало дало́:
Они смотрели долгим взглядом
При всех в чудесное стекло.
И хоть оно с изнанкой черной,
Полно сомнения оно,
Одним достоинством, бесспорно,
Оно навек одарено:
В какую б ни вместить оправу,
Про внешний мир,
Про внешний вид
Оно всегда одну лишь правду
В глаза вам прямо говорит.
О мастер,
Сотворивший чудо!
Уверена я, что тогда
Тобой одно владело чувство,
Одна заветная мечта:
Всю жизнь
Отображенье правды
Тебя манило и влекло,
И первый
Ты уперся взглядом
В посеребренное стекло.
Но разве отразило душу
Дитя души твоей и рук?
Оно — ты понял —
Враг дурнушкам,
А женщинам красивым друг,
И все...
Но, мучаясь ночами,
Прижавши зеркало к груди,
Ты знал,
Что правде дал начало,
Что совершенство —
Впереди...

ПЕЧЕТСЯ ХЛЕБ

В ведерке всходит тесто
на дрожжах:
Так удивительно тягуче,
Легко, как вата,
И пахуче
Вздымается, томительно дрожа.
А руки в тесте —
В мякоти сплошной,—
Его извлекшие, огромны,
И тесто бьют и мнут, чтоб формой
Оно напоминало шар земной.
И вот в печи проворно
Этот круг
Посажен женщиной на место.
Как ювелир, все золотинки теста
Хозяйка скатывает с рук.
А круг примятый все растет.
Красна
Печной жарою схваченная корка,
От пышущей, от хлебной горки
Пьянеем мы, как будто от вина.
Хлеб испечен.
Как радостен тот миг!
Из рук он переходит в руки.
Его румянец — на лице стряпухи,
И дух его нас празднично томит.
Хлеб испечен.
Хозяйка хлеб берет,
И, наклоняясь, о колено
Разламывает хлеб,
И пар бежит из плена
И наши лица жаром обдает.
И вот ломти горячие друг
другу
Передаем.
И снова всходит тесто,
И вновь в печи
Огню готовят место,
И жар ломтей вновь обжигает
руку.

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

Михаил ГОРБУНОВ

Вот оно, ощущение севера;
суету городскую тесня,
будто лебедь из облака серого,
белый лебедь плывет на меня.

Ах ты, сиверко, сиверко, сиверко,
золотую полову развей!
Наступает суровая выверка
обнажившейся сути моей.

Север чист.
Пахнет морем и елями.
Север строг — никакой пестроты.
Среди срубов столетних
расстелены
белой ночи льняные холсты.

Издалека плывет ощущение,
молодыми крылами звеня.
Ощущение — как очищение.
Белый лебедь плывет на меня.

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Пешк

1. БАБУШКА ТАМАРА

По субботам у нас весело. Папа прибегает с работы рано, запирается в ванной и оттуда командует: «Петька, рубашку!», «Петушок, тащи гребешок». Выходит он из ванной выбритый, в белой рубашке, идет на кухню показаться маме.

— Очень хорош,— говорит мама,— просто непонятно, в кого такой хитрый. На вот,— она вручает ему помойное ведро,— работай.

Папа вздыхает, смотрит на свои белые, отмытые руки. Я берусь за веник, из кухни доносится мамин голос:

— Так в хоккей играют, а не метут. Согни свой молодой позвоночник, в углы заглядывай.

И все равно весело. На сковородке в кухне гора не магазинных, а на мясорубке наверченных котлет. Из пакетов вытряхиваем на блюдо яблоки. Потом постилаем чистую скатерть на стол. Теперь только маме надеть свой вишневый шелковый костюм, и пусть она приходит. У нас все готово.

Бабушка Тамара приходит в семь часов. Достает из сумки тапочки, надевает их в прихожей и говорит:

— Приятно, когда в доме собирается вся семья.

Нам тоже приятно. Бабушка хвалит котлеты, говорит маме, что она золотая хозяйка, что с папой они на редкость дружная пара. Я смеюсь. Бабушке это не нравится.

— Гогочет, как гусь,— говорит она маме,— у нас в роду никто так не смеялся.

Папа давится котлетой, мама бьет его по спине, они склоняются над столом, и теперь уже оба задыхаются от смеха. Бабушка отворачивается и смотрит на экран телевизора, у которого выключен звук. Унылый лысый мужчина, опустив веки, шевелит губами.

— Мама,— говорит папа,— какие новости на водных просторах?

Бабушка Тамара поворачивается к папе и вдруг тоже начинает смеяться.

— А что? — говорит она.— На водных просторах прекрасно. Тот директор завода стал вполне прилично плавать.

Уже второй год наша бабушка Тамара ходит в бассейн. Как вышла на пенсию, так сразу туда и записалась. Сначала они учились плавать в мелком загончике — лягушатнике. Потом постепенно лучших пловцов переводили в «бодрую» группу. Остался в лягушатнике один только толстый шестидесятилетний директор завода. Но, оказывается, его тоже перевели.

— Прекрасный человек! — говорит о нем бабушка Тамара.— Депутат, доктор наук. Обидно было смотреть, как он один тосковал в лягушатнике.

— А как насчет того, чтобы побить рекорд? — спрашивает папа.— Насколько я понимаю, финская пловчиха Шелли здорово обставила всю вашу «бодрую» группу. Сто метров за четыре секунды!

Никакой Шелли, конечно, не существует. Просто папе надо поговорить про бассейн.

— За четыре секунды,— отвечает бабушка Тамара,— можно поставить рекорд только по болтовне. А Шелли пусть сначала доживет до моих лет, а потом ставит рекорды.

Бабушка Тамара никогда не обижается на папу. Он ее единственный сын. Она посвятила ему всю жизнь. Если бы не война, из него получился бы выдающийся человек. Профессор или дипломат. Она пыталась дать ему хорошее воспитание. К нему в детстве ходила за деньги одна культурная старушка. Она учила его немецкому языку. Но папа был мал и ленив, и

Римма КОВАЛЕНКО

Повесть

ом в мамино детство

бабушкины деньги вылетали на ветер. Папа начинал рыдать, когда эта старушка только появлялась в прихожей. Из всех уроков он запомнил на всю жизнь только одну немецкую фразу: «Эр хойльт ви айн хималайя-бэр». По-русски: «Он воет, как гималайский медведь». Старушка не учила его этой фразе, она говорила сама себе, когда он ревел, но почему-то именно эти слова папа запомнил.

К маме бабушка Тамара не относится так нежно, как к своему сыну, хоть и часто хвалит. Ей не нравится, как мама воспитывает меня. Однажды из-за этого они даже поссорились. Началось все с новой, квартиры. Мы только что в нее переехали и целые дни стояли «охи» и «ахи»: «Ах, две комнаты!», «Ох, горячая вода!», «Ах, надо мебель новую покупать!» Зашел я в одну пустую комнату, взял книгу, залез на подоконник и читаю. «Хорошо, просто чудесно,— думаю,— когда две комнаты. Читаешь — никто не мешает». И вдруг заходят мама и бабушка Тамара. И начинают обсуждать, где лучше спальню сделать, где столовую. Слушал я, слушал и спокойно так говорю:

— Женщины, идите разговаривать в другую комнату. Не видите, что ли, я читаю?

Мама вся вспыхнула, схватила меня за ухо и стащила с подоконника.

— Слыхали? Разве это человек? Это же барчук!

Бабушка встала на мою сторону.

— Очень старорежимное и неприятное словцо. При чем здесь барчук? Просто недостаточно вежлив.

Мама не на шутку разозлилась.

— Нет, именно барчук! Чересчур у него легкая жизнь.

Заглянул папа.

— Нормальный современный ребенок,— сказал он.— Видел тигра, слона, а вот козла домашнего живьем не видел.

— Козел здесь ни при чем, Толенька,— сказала бабушка,— ребенок должен оставаться ребенком. Нельзя, чтобы он все понимал и чувствовал, как взрослый.

— Должен чувствовать! — спорила мама.— Обязан, если собирается вырасти человеком, а не барином.

— Не знаю, не знаю,— обиделась бабушка,— Лев Толстой, Александр Сергеевич Пушкин, Чайковский, Софья Ковалевская, что уж они такого чувствовали в детстве? Даже были официально барчуками, барскими детьми, а выросли гениями.

Но маму не так легко переспорить.

— А Горький, а Ломоносов? Но дело сейчас даже не в них. Ни Лев Толстой, ни Пушкин, ни Лермонтов не были в детстве барчуками. У всех у них было трудное детство.

— Леночка, ты что-то уж чересчур,— сказал папа.

— Да, да, перечитайте их биографии! — горячилась мама.— У них было очень нелегкое детство. Были детские балы, лакеи, экипажи, но сколько они работали в ранние годы! Знание языков, музыки, наконец, хорошие манеры... Все это даром не достается. А сколько страдания, любви, протеста жило в их детских душах! Бессонные ночи, слезы бессилия, жажда справедливости, готовность к борьбе... Из всех барчуков я хорошо знаю одного — Илюшу Обломова. И он был глубоко несчастным человеком.

Мама победила. Бабушка Тамара вышла в прихожую, сменила тапочки на туфли и сказала:

— Воспитание ребенка — ваше семейное дело. Я в это больше не вмешиваюсь.

С этого дня она стала приходить к нам по субботам. У нас есть время приготовиться: нажарить котлеты, навести блеск в квартире, и за столом у нас всегда весело. Я люблю субботы.

2. ПАПА И МАМА

Когда бабушка Тамара хвалит папу и маму, какая они дружная пара, я не могу удержаться от смеха. Они часто ссорятся. А уж перед приходом бабушки Тамары обязательно. Маме обидно, что весь этот порядок, и котлеты, и накрахмаленные салфетки бабушка будет приписывать ей одной. Папа больше всего на свете боится, что бабушка когда-нибудь застанет его с помойным ведром или с ножом в руках.

— Этого я никогда не пойму,— говорит мама,— ведь она сама женщина. Неужели она не знает, что все эти обеды, полы, кастрюли — самая изнурительная штука на свете!

— Эта штука всегда считалась женским делом,— отвечает папа,— можешь не продолжать, я давно усвоил, что мы одинаково работаем и ты даже получаешь на пятнадцать рублей больше меня.

— Пятнадцать рублей — это твое собственное открытие, и не приписывай его мне. Просто надо подумать, куда улетучилось мужское дело.

Мама убедит кого угодно. Когда-то люди разделили домашнюю работу на мужскую и женскую. И разделили справедливо. Мужчины строили жилье, со смертельной опасностью уходили в лес добывать пищу, охраняли свой дом от врагов, потом уже, при царе, они кололи дрова, пахали поле, уходили зимой на заработки, чтобы прокормить семью, а женщине доставалась более легкая часть в этой жизни — варить, стирать, нянчить детей. Потом все переменилось. Хитрые мужчины придумали водопровод, паровое отопление, провели в свои дома электричество, а женщины так и остались у своих первобытных кастрюль и тряпок.

— Стоп! — говорит папа.— Хитрые мужчины придумали еще пылесос и стиральную машину. Мы могли бы все это купить, если бы не «фрегат».

«Фрегат «Паллада» — это пианино. Мы купили его в прошлом году, залезли в долги, но я этого не оценил. Провалился на экзаменах в музыкальную школу, и мама устроила меня к Софье Романовне. Она жила в соседнем доме, в однокомнатной квартире, половину которой занимал желтый старинный рояль. И еще там у нее висела картина в рамке из деревянных листьев. На ней — Софья Романовна в детстве, в белых чулочках и с белым бантиком. Я приходил к ней два раза в неделю, мыл руки и подходил к роялю.

— Гаммы,— говорила Софья Романовна, садилась в кресло и закрывала глаза.

Однажды, когда я играл «Болезнь куклы» Чайковского, она вскочила, сморщилась, будто ей наступили на ногу, и набросилась на меня.

— Что ты стучишь, как дятел? Видеть надо, чувствовать!

Я с удивлением посмотрел на нее.

— У девочки кукла заболела. Очень заболела. Девочка плачет, ведь кукла ей дочка, может умереть.

Неожиданно у меня вырвалось:

— Черт с ней!

Софья Романовна остолбенела, я стал оправдываться:

— Не девочка же заболела! С куклой, вы сами понимаете, ничего не случится.

Софья Романовна молча походила по комнате и сказала:

— Иди домой.

Дома с моей музыкой тоже никому счастья не было. Папа сразу окрестил новенькое пианино «Фрегатом «Паллада».

— Ну, поплыли,— говорил он, когда я начинал свои гаммы,— по морям, по волнам. Скучно вам, тошно нам.

Он уходил в другую комнату, включал радио и садился работать. Радио ему почему-то не мешало.

Мама очень хотела, чтобы я занимался музыкой. Она внушала мне, что я пожалею когда-нибудь об этих днях, но будет поздно. Больше всего ее убивала моя лень и неблагодарность. Помог мне случай. Мама пришла после работы и сказала:

— Случайно узнала: можно купить путевку в «Артек». Дорого, но надо подумать.

Папа посмотрел на пианино, за которое еще мы не расплатились, потом на меня.

— Первый раз слышу, что в «Артек» можно купить путевку. Я думал, туда посылают лучших пионеров.

— Так оно и есть,— сказала мама,— путевка предназначалась одному мальчику, но он заболел.

— Купите путевку! — взмолился я.— Дорогие, милые, купите путевку!!

— Успокойся,— сказал папа,—слушать противно. Может, тебе еще ракету на Марс купить?

— Между прочим,— поддержала его мама,— путевкой наградили юного музыканта. Ты тоже без всяких воплей мог бы добиться такого.

Я тут же сел за пианино и ударил по клавишам. Я давил педаль и не жалел пальцев, «фрегат» ревел в ответ зверем. Папа махнул рукой.

— Если и будут успехи,— сказал он,— то не раньше, чем через пятьдесят лет. Есть надежда, что бесплатная путевка в дом отдыха пенсионеров от него не уйдет.

Он ушел в свою комнату и включил радио. Я играл долго: гаммы, этюды Черни, маленькие фуги Баха, все легкие пьесы из «Детского альбома» Чайковского. Я решил им всем доказать, что у меня есть воля, старание и способности. Мама вышла из комнаты. Сквозь шум звуков я услыхал ее слова:

— Петя, отдохни.

И тут же раздался папин голос:

— Пусть играет! Редкий случай заработать всей семье путевки в нервную клинику.

Это был мой последний музыкальный концерт. Ночью я упал с кровати и просил маму, чтобы мне разрешили на пианино поплыть в «Артек». По морям, по волнам...

Мама закрыла пианино на ключ. И теперь оно, по словам папы, «стоит как памятник потраченным деньгам».

С этого дня дома у нас стало тише, хотя, конечно, полной тишины, когда мы все дома, не бывает. Шум создаю я. Так считает мама, когда она приходит с работы в плохом настроении. Если ее цех простаивает из-за деталей или на планерке главный инженер опять «жевал то да се и ничего по существу», то вечером я опять окажусь зачинщиком шума. Маме для этого многого не надо. «Будет у нас когда-нибудь порядок?» Это она спрашивает прямо с порога. «Петр, иди сюда. Неужели трудно застегнуть пуговицы? Посмотри на свои ногти...» Папе она говорит: «Нет, этот патри-

архат, я вижу, никогда не кончится. Взять нож и почистить картошку — это, конечно, сверх вашей догадливости». Она отламывает кусок батона, наливает холодный чай и идет пить к папиному столу, чтобы он видел, как ей плохо живется на свете. Папа сидит за столом, на котором стопка папок с надписью «Дело №». Он их приносит со своей работы, из милиции. Через минуту они или хохочут, или ссорятся по-настоящему.

— Все это остроумно и здорово,— говорит папа,— но надо было об этом сказать там, на вашей почтенной планерке. Дома ты просто Цицерон.

— Очень у тебя все просто! — сердится мама.— Думаешь, легко так взять и сказать.

— У меня, конечно, все очень просто,— папа кивает на свои «Дела»,— самые простые вещи, какие только существуют на свете, как раз в этих папках. Поэтому и сижу над ними по ночам.

Однажды я спросил у него:

— Тебе их не жалко?

Папа стукнул ладонью по «Делам» и вздохнул.

— Нет. Дураков нельзя жалеть.

— Так уж все дураки?

— В конечном счете да. Дураки. Одним жадность ум застилает, другим — водка, третьи просто безвольные человечки.

— И безвольных не жалко?

— Понимаешь... тут такое дело, что они не совсем безвольные. Воля какая-то есть, называют ее тягой. Тяга к красивой жизни. Люди работают, волнуются, живут, а они против всего этого течения барахтаются, жмут. И все это на страхе, на большом зверином риске. Все себе, о себе: жрать, пить, не работать, перехитрить всех. Разве умный человек согласится на такую жизнь?

Папа редко говорит со мной серьезно. Чаще он шутит. Приходит домой и кричит: «Петька! Тут у порога чьи-то двойки валяются. Не из твоего портфеля?» Весной он выпустил стенную газету и вывесил на кухне. Называлась она «За власть родителей» и, конечно, вся была посвящена мне. Рисунки: как я сплю и вижу во сне велосипед, стоя на коленях, вымаливаю купить щенка. Последний рисунок был самый злой: я на пианино плыву по морю в «Артек». Но больше всего от него достается Аленке с пятого этажа. Родители у нее артисты, вечером уходят в театр и Аленку иногда подкидывают нам. Они так и говорят: «Лена и Толя, разрешите и на этот вечерок подкинуть вам наше сокровище». «Сокровище» приходит с ночной рубашкой под мышкой, садится на диван, и, если папа не работает, начинается концерт. Аленке недавно исполнилось четыре года. Папа говорит, что это самый людоедский возраст. Аленка за два месяца съела трех домработниц и ждет новую жертву.

— Вы же съели их, мадам? — спрашивает папа.

— Съела,— отвечает Аленка,— всех съела.

Она привыкла, что в нашей квартире ей морочат голову, и не обижается.

— Люблю людоедов за откровенность,— говорит папа,— не ребенок, а Синяя Борода. Родителей давно надо представить к медали «За отвагу».

Потом начинается суд над Аленкой. Папа — прокурор, мама — адвокат, я изображаю платок съеденной домработницы и даю показания о своей бывшей хозяйке.

В такие вечера мне очень хочется, чтобы вдруг пришла бабушка Тамара. Пусть бы посмотрела, какие мы на самом деле дружные и веселые. Почему у нас не всегда так? Я пришел к выводу, что в этом виновата мама. И однажды сказал:

— Если бы у тебя был другой характер, у нас была бы хорошая семья.

Мама подняла брови.

— Ты считаешь, что у нас плохая семья?

Я не мог сказать, что плохая.

— У тебя такой характер: любишь ссориться и кричать по пустякам.

Мама подумала и сказала надменным голосом:

— Папа тоже это любит. Мы оба любим ссориться. Если тебе это не нравится, поищи других родителей.

Мама не шутила, она обиделась по-настоящему. На другой день, когда я уходил в школу, она спросила:

— Петька, неужели ты действительно считаешь, что у меня плохой характер?

Мне не хотелось еще раз обижать ее.

— Характер у тебя незлой,— сказал я.— Ты покричишь, а через минуту забыла и смеешься. Только папу жалко. Он тебя любит и терпит.

Я отвернулся: не мог ей говорить такие слова в лицо. Мама рукой взяла меня за подбородок и повернула к себе. Я увидел, что глаза у нее растерянные.

— Петька, я тоже люблю папу.

Не знаю, что дернуло меня за язык.

— А Павлика?

Рассказать невозможно, что сделалось с мамой. Она покраснела, стукнула меня ладонью по лбу и крикнула:

— Иди! Видеть тебя не могу! Такому дураку, как ты, ничего и рассказать нельзя. «А Павлика?» — передразнила она меня.— Ничего не может сказать язык, когда нет сердца и в голове пусто.

Конечно, не надо было ей говорить про Павлика. Я это сразу понял, но было уже поздно. Мама очень рассердилась, и я почему-то тоже. Когда она выпихивала меня за дверь, я крикнул:

— Больше никогда не спрашивай у меня о своем характере!

Павлика я никогда не видел, но знаю о нем много. Очень давно, двадцать лет назад, когда еще шла война, его привезли в госпиталь в сибирский город Томск. В этом же городе всю войну жила моя мама. Она с девочками из своего класса ходила работать в госпиталь и там познакомилась с Павликом. Он лежал в палате для самых тяжелых раненых, весь в гипсе, как белая статуя. Мама читала ему книги и рассказывала разные истории. Оказалось, что они оба родились на Кубани и что Павлик всего на один год старше ее. Это была первая мамина любовь. Потом с него сняли гипс. Переломы на ногах и руках срослись, но ходить без костылей он не мог. Когда его выписывали из госпиталя, он сказал маме: «Я обо всем подумал, Лена, и ты не обижайся. Я инвалид, а у тебя вся жизнь впереди». Он уехал и не оставил адреса.

Папа однажды сказал:

— Теперь розыск человека — дело не сложное. Давай разыщем Павлика. Узнаем, как живет.

Мама не согласилась.

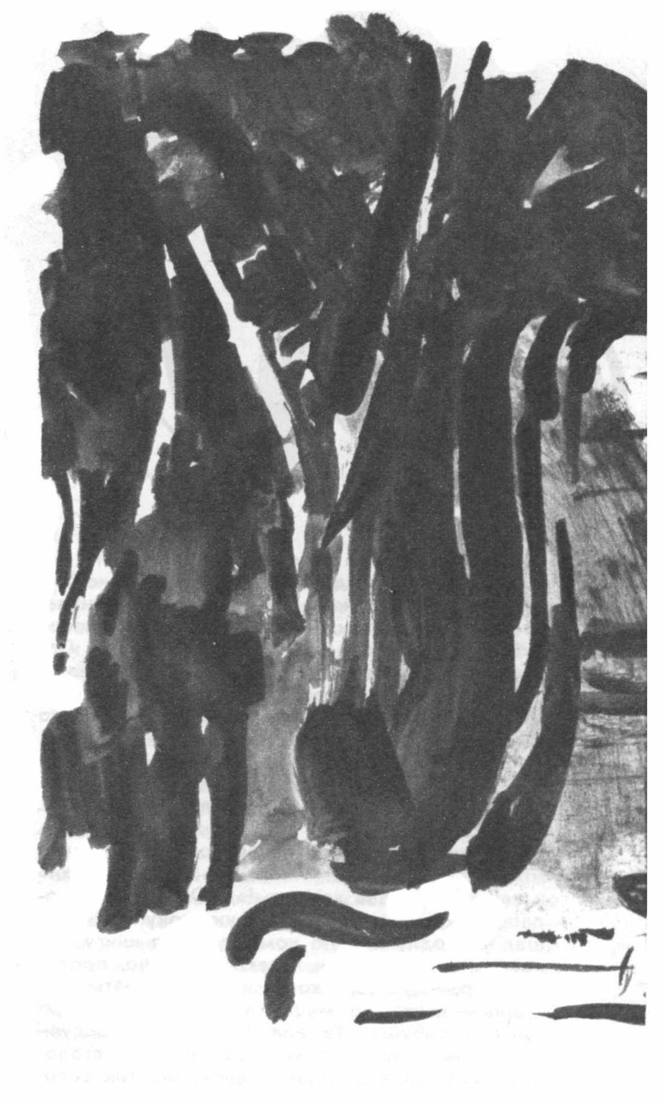
— Таким же образом он мог разыскать меня сам.— И тут же ополчилась на папу: — Я понимаю, что тебе хотелось бы, чтобы он разыскал меня еще до нашей встречи.

— Как ни странно,— сказал папа,— но не хотелось бы.

Папа тоже никогда не видел Павлика. Иногда он достает его фотокарточку и ставит на письменный стол. «Вот Павлик считает...» — обращается он к маме и говорит, что считает Павлик — поехать папе в воскресенье на рыбалку или купить ему наконец приличный портфель. И каждый раз Павлик настойчиво «советует» продать пианино.

3. БОРЬКА

Если считать, что у разных великих людей было трудное детство, то из Борьки, конечно, получится гений. Жить Борьке трудно. Наверное, поэтому он считает, что самый лучший возраст — пять лет. Он так и говорит: «Золотое было времечко! Уроков учить не надо, гости дарят игрушки, ходи себе в сандаликах с белыми носочками, и никаких забот». Если Борька вспоминает что-нибудь хорошее, то всегда начинает так: «Когда мне было пять лет...» Сейчас Борьке двенадцать. Он с первого класса отличник, и еще он танцует. Мать его всех уверяет, что Борька стал танцевать раньше, чем ходить. В первом классе его отдали в балетную студию, но кто-то сказал, что там его испортят: он будет танцевать, как все, а у Борьки, дескать, какой-то особенный талант, который нельзя портить. Теперь он танцует дома под проигрыватель. Каждый день по два часа. В четвертом классе отец ему разрешил выступить на пионерском сборе. Борька здорово выламывался под музыку, прыгал, замирал, откинув голову, и нагнал на всех страха. Вожатая посоветовала ему разучить «Яблочко» или «Кубинский танец». Борька ответил, что он импровизирует на разные темы. Больше его не просили выступать.

Дома у Борьки, если он не импровизирует, тихо, как на кладбище. Отец чаще всего, когда я прихожу, лежит на диване, мать что-то шьет. Иногда отец говорит мне:

— Мальчик, приди попозже, Боря еще не занимался.

Это значит, что он еще не танцевал под проигрыватель. Я ухожу и про себя думаю: «Вот тип! Какой уже год к Борьке хожу, а он все «мальчик». Один раз прихожу — Борька в углу стоит.

— Вот видишь, Боб,— говорит отец,— мальчик пришел, а ты наказан. Ты осознал свою вину?

— Осознал,— отвечает Борька,— прости, пожалуйста, папочка, такого больше не будет.

На улице я спросил Борьку:

— Ты что натворил?

— Натворил... Самописку его взял. У него их три штуки.

— Зачем же прощения просил?

Борька посмотрел на меня, как человек на овечку.

— Эх, ты! Да разве с ним можно по-другому!

— Бьет?

— Разговаривает. Морали читает. Лучше бы уж бил.

Борька сказал, что к моралям он почти привык. Самые страшные дни в его жизни бывают после родительских передач по радио. Отец и мать садятся у приемника, а Борьку отправляют спать, хотя еще только восемь часов. Борька не знает, о чем говорят в этих передачах, но жизнь на следующий день становится невыносимая. Родители говорят с ним заунывно-вежливыми голосами. Отец кладет ему руку на плечо и просит прощения: «Извини, друг, помнишь тот день, когда ты стоял в углу за самописку? Так вот, я тогда был не прав». Мать каждый раз после этих передач чертит ему режим дня, и без того тоскливая жизнь Борьки становится просто невыносимой. «Если бы мне было пять лет,— мечтает Борька,— я первым делом вывинтил бы все лампы в приемнике!»

Уже три недели я не хожу к Борьке. Родители его ничего не знают, но я боюсь встречи с ними. Особенно с отцом. Началось это так.

Мы с Борькой пошли в парк. Было еще светло, часов шесть, но в парке уже горели белые шары фонарей. Здорово пахло молодыми листьями и землей, как после дождя. Мы шли по главной аллее и говорили о том, что осталось нам учиться двенадцать дней и что надо как-нибудь так устроить, чтобы летом не разлучаться. Потом мы свернули с главной аллеи и присели на скамеечке перед большой клумбой с желтыми тюльпанами. Тюльпаны в вечернем сумраке торчали на клумбе, как свечки. Два дня назад их здесь не было. Посадили, видимо, вчера или сегодня уже готовенькими.

— Если отцу местком опять даст бесплатную путевку в лагерь, то мне не отвертеться! — сказал Борька и вздохнул.

Он не любил ездить в лагерь. Наверное, потому, что отправляли туда его на все три смены, и Борька вздохнуть вольно за все лето не мог. Подъем, линейка, в столовую строем, после обеда притворяйся, что спишь. А все потому, что отец его умудрялся доставать эти путевки бесплатно.

Так мы сидели на скамейке перед клумбой, говорили и не ждали ниоткуда беды.

— Слушай,— спросил меня Борька,— а почему эти цветочки на ночь закрываются? Может, мерзнет у них там что-нибудь внутри?

— Просто спят,— сказал я,— ты что, глаза закрываешь, потому что мерзнешь?

Борька хихикнул:

— Какая разница, где им спать? Давай нарвем?

Я оглянулся по сторонам. Никого.

— Давай.— И все внутри задрожало у меня от страха и опасности.

Мы рвали тюльпаны молча и один раз даже стукнулись лбами. Борька спросил:

— Трусишь?

Я зло сверкнул глазами. Мы оборвали полклумбы и, не сговариваясь, молча побежали в другой конец парка, подальше от места преступления. Скамейка белела в темноте, и мы с разбега бухнулись на нее. Оставалось решить самое трудное: что с этими цветами делать? Бросать жалко, домой нести невозможно. Подарить какой-нибудь влюбленной парочке? Но всю свою смелость мы уже потратили на клумбе, и на это ее не осталось. Ломать голову нам долго не пришлось. Молодая тетка с красной повязкой на рукаве дунула над моим ухом в свисток, и трое парней выросли на дорожке и уставились на нас. И тут я почувствовал, как крепкая парковая скамейка стала качаться подо мной: прямо перед нами была клумба с желтыми свечками тюльпанов. И эти тюльпаны тоже кто-то рвал.

— Откуда у вас эти цветы?

Врать было бесполезно, но Борька рискнул:

— Мы купили их вон там, на главной аллее, у одной старушки.

Лучше б уж он молчал! Дружинники переглянулись и засмеялись.

— Хватит с ними лясы точить,— сказал один из них,— поднимайтесь, красавчики.

Я схватился за соломинку. Решил схитрить. Было это очень глупо, но я тогда плохо соображал.

— Даю вам честное пионерское, что с этой клумбы мы ни одного цветка не сорвали.

— Пионер,— презрительно сказала молодая тетка,— уж лучше бы молчал! Пошли, там разберемся, какой ты пионер.

У меня похолодела спина. Где это «там»? Мы поднялись и пошли. Букет нес я. Тюльпаны спали и не видели нашего позора.

По дороге Борька заплакал.

— Отец ведь узнает,— шепнул он мне,— понимаешь?

Я понимал.

— Товарищи дружинники,— сказал я им,— Борька вот этот, он случайно ко мне подошел. У него мать в больнице лежит, а отец — пьяница. Он убьет его до смерти, если узнает, что его задержали.

Дружинники остановились, посмотрели на плачущего Борьку и сказали:

— Ну, что ж, если случайно подошел, тогда другое дело. Иди.

Борька побежал, не оглядываясь. А меня привели в комсомольский штаб. Девушка в красном платье увидела меня, улыбнулась и сказала:

— Ах, какая прелесть!

Я опешил, но, когда она взяла у меня букет, я понял, что прелесть — цветы, а не я. Она поставила тюльпаны в банку, а мне сказала:

— Садись.

И тут же сразу привели пьяного парня. Он еле стоял на ногах, и волосы его были почему-то мокрыми.

— Ничего я вам не скажу,— кричал он,— и что на инструментальном заводе работаю, не скажу, ничего вы от меня не узнаете!

Девушка сказала:

— Опять с инструментального! — И велела пьяному замолчать.— Не видите, здесь ребенок.

Пьяный повесил голову между колен и уснул, а девушка в красном платье взялась за меня. Записала номер школы и адрес, где живу, и кто родители, и кто классный руководитель. Когда я сказал, что папа работает в милиции, она удивилась:

— Подумать только, у такого родителя...

Потом придвинула к себе букет:

— Эти цветы — труд многих людей. Их выращивали для того, чтобы украсить наш город, а ты в одну минуту все погубил. Цветы — это общественное достояние, и тебе должно быть стыдно за свой хулиганский поступок.

В общем, я немножко успокоился, и, когда она звонила домой, спина моя уже не холодела от страха.

Мама пришла в штаб, расписалась, что получила меня, поглядела на цветы и на пьяного и попросила извинения за беспокойство. Потом велела мне выйти в коридор и ждать. Когда мы шли домой, она сказала:

— Я думала, что ты не способен на такое. А ты почти «герой». Кому же предназначались эти цветы?

Мне хотелось что-нибудь придумать, но кому может пятиклассник подарить цветы? Маме? Так врать я не мог.

— Никому, просто так, взял и нарвал.

— Так вот, завтра просто так возьмешь и пойдешь в зелентрест, купишь сорок тюльпанов и посадишь их на ту же клумбу, которую изуродовал.

Так оно потом и было. Три раза мы с Борькой ходили в зелентрест. Ничего нам сначала не хотели продавать, пришлось рассказать про штаб, и тогда все заинтересовались. Даже дали нам инструкторшу, которая показала, как надо закапывать луковицы тюльпанов в землю.

Люди останавливались возле нас и говорили: «Ай да молодцы, вот настоящие пионеры!»

Нам с Борькой легче было умереть, чем слушать эти слова.

Продолжение следует.

ВИКТОРИНА

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.

Дорогие друзья «викторинцы»!

Наша юбилейная викторина, посвященная успехам советской науки и техники, финиширует.

В прошедшем году было много знаменательных событий, подтвердивших ведущее положение отечественной науки и техники: запущен синхрофазотрон в Серпухове, построена уникальная телевизионная башня в Москве, задута сверхгигантская домна в Кривом Роге, состоялось знакомство (пока еще заочное) с далекой, загадочной Венерой, безукоризненно точно произведена автоматическая стыковка двух космических кораблей, впервые выплавлено больше 100 миллионов тонн стали.

В любом из этих научно-технических свершений есть доля и вашего труда. Но вы еще и участвовали в викторине. А это тоже труд, и немалый. И он не пропал даром. Полагаем, что в сводке статистического управления это найдет свое отражение в небывало высоком проценте посещаемости библиотек, росте тиражей научно-популярных журналов и в резком снижении числа любителей «забивать козла».

Некоторые из вас в промежутках между турами успели сыграть свадьбы, переехать в другие города, успешно окончить институты, демобилизоваться из армии и даже стать чемпионом викторины.

Жюри викторины тоже не отставало от вас. Вот некоторые наши показатели. Всего было получено, прочтено, размечено, проконсультировано и занесено на карточки 7 638 писем. Читая ваши письма, жюри: а) улыбалось — 4 387 раз; б) смеялось — 1 742 раза; в) хохотало до слез — 146 раз; г) хмурило брови — 1 763 раза; д) сердилось — 243 раза. Кроме того, было зарегистрировано: заболеваний, оформленных больничными листами,— 17, вызовов неотложной медицинской помощи — 3, инфарктов... удалось избежать.

Судя по вашим письмам, викторина многим понравилась. Большинство из вас утверждает, что викторина многому научила. Ваши же письма дали нам богатейший материал для серьезных раздумий, рассказали нам о вас, наши читатели и друзья. Так что обмен был обоюдным. И за это большое вам спасибо!

Не все у нас шло гладко, как хотелось бы. Каемся, признаем, больше не будем...

А теперь настала пора познакомить вас с нашими именинниками — победителями «Викторины «Огонек» 1967 года.

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

Вот оно — стеклянное чудо, изделие современного Левши, мастера-стеклодува Физико-химического института имени Карпова Анатолия Журавлева. Этот приз получил чемпион КИВа.

Первое место и звание абсолютного чемпиона «Викторины «Огонек» 1967 года завоевал Игорь Сергеевич ДРУЧИН из поселка Елань, Кемеровской области.

Победителю 38 лет, женат, отец двух сыновей. Вот что он пишет о себе: «...Родился на Дальнем Востоке, учился в Одессе, поэтому работать пришлось в Сибири (где-то посредине). В детстве меня называли шалопаем, в юности — сорвиголовой, сейчас—старшим геологом».

Мужество и находчивость Игоря Дручина удивительны. До сих пор не можем понять, как он умудрялся отвечать на вопросы, скитаясь где-то с геологической партией?..

Мы предоставили абсолютному чемпиону право выбора приза. Так что И. С. Дручин сам себя наградил радиоприемником «Спидола-10», который по нашей просьбе специально собирали рабочие и инженеры Рижского завода ВЭФ. Как геолог, И. С. Дручин поступил правильно, выбрав приз, который «и в воде не тонет и в огне не горит».

Второе место и звание чемпиона «Викторины «Огонек» 1967 года присуждается дружной семье ФИЛИППОВЫХ из Москвы:

Галине Павловне, Льву Петровичу и Тане.

Это трио — вполне сложившийся турнирный коллектив.

«Трое мы в одном едины:
Очень любим викторины,
Впрочем, кроме «Огоньков»,
Много есть у нас «коньков».
Правда, мы полихоббисты:
Нумизматы и туристы,
Меломаны, садоводы
И в душе собаководы.
Но стихи не наша сила,
Дальше рифмы не хватило,
И пора в конце пути
Нам на прозу перейти.

Нам всем вместе ровно 100 лет. Старшие преподают в вузе, младшая учится в 8-м классе».

Семья Филипповых получает в награду киноаппарат «Аврора» производства Ленинградского оптико-механического объединения, того самого, где недавно был изготовлен единственный в своем роде шестиметровый телескоп.

Третье место, звание чемпиона «Викторины «Огонек» 1967 года и приз «из 150 деталей» — наручные часы «Слава» 2-го Московского часового завода — завоевал Вадим Тимофеевич НОВИКОВ из Иванова. Предоставляем ему слово:

«Мне 28 лет. Биография моя складывалась в студенческих аудиториях, на полях целины, туристских тропах, спортивных площадках. Пять лет на Назаровском заводе железобетонных конструкций помогли решить ряд проблем молодого инженера и один из вопросов викторины...»

В. Т. Новиков — третий наш победитель, но он же и единственный человек из всех участников викторины, который однажды (в 3-м туре) набрал рекордное количество очков — 100 из 100 возможных!

Призеры:

4-е место занял Н. Л. ШАРОВАР (он выступал под псевдонимом Лашар) из Петрозаводска.
5-е — Н. В. КВАСОВ, Ленинград.
6-е — А. Ф. ПОГРОМСКИЙ из города Чорткова, Тернопольской области.
7-е — Г. А. КУДРЯШОВА, Клин.
8-е — ДЕМИДОВЫ, Куйбышев.
9-е — Ю. И. ВАЩЕНКО, Днепропетровск.
10-е — П. И. ПУГАЧЕВ из села Верещаки, Брянской области.

ВСЕ ОНИ НАГРАЖДАЮТСЯ РАЗЛИЧНЫМИ ПРИЗАМИ.

КИВ-3

Этот конкурс был посвящен нашей викторине. Мы просили читателей сообщить свои впечатления о ней. Ответы пришли самые разные — от коротких, в одну-две строки, до толстых тетрадей, где подробнейшим образом перебирались все викторинные «косточки», ее ошибки и удачи.

Победителя в этом КИВе нет, так как нет (да и не может быть) однозначного ответа. Мы публикуем частично ответы, в которых выражено мнение большинства участников викторины.

Р. К. Соколова, Мурманск:

«...Участие в викторине заставило разнообразить чтение, читать так, как будто «завтра сдавать». И где-то — быть может, не сформулированная так четко — была мысль о других таких же — ну и пусть! — чудаках, которым все интересно: от длины жирафьих ног до второй космической скорости,— чувство такого товарищества. Словом, мир стал шире, жить стало интереснее. И вот все это кончается. А почему, собственно, мы все опять должны быть врозь? Хочу каждый номер «Огонька» открывать с трепетом, ждать интересного на его страницах, ждать, в какие новые страницы заставит он меня заглянуть, что подскажет, чему научит, в чем заставит упрекнуть себя за незнание. Хочу новую викторину!»

В. В. Старовойтов, Москва:

«...Мое мнение таково: чем труднее вопросы викторины, тем она интереснее, тем больше она несет пользы. Хорошо, что в этой викторине нужно было не только отвечать на вопросы. Даже призы, и те были зашифрованы! Несмотря на молодой возраст, викторина уже имеет свою традицию. Каждый тур открывал один из наших ведущих ученых. И здесь викторина идет в ногу со временем, с наукой. Порадовало меня и то, что 2 тура (из 7!) были отданы вопросам самих участников.

На будущее: организаторы викторины должны держать свое слово и выполнять ими же предложенный устав».

В. И. Желтов, Горький:

«...Этот КИВ необычный, так как вместо ответов получается письмо к доброму другу — Викторине. Написать такое письмо трудно, тут уж не помогут ни БСЭ, ни справочники.

Викторина! Чего мы только с тобой не делали, где не были? Серебрили облака, сушили в воде доски, бегали по Луне, беседовали на необитаемом острове, видели прически древнегреческих модниц и даже сумели задать вопросы участникам викторины 2017 года.

Викторина! Ради тебя я ни разу — с первого до последнего тура — не «забил козла», а был грешок — увлекался. Спасибо, друг, что избавила меня от этой заразы. Я узнал много нового, полезного и интересного. Пролистал сотни книг, журналов, газет, а это тоже увлекательно. Иногда и не найдешь нужного ответа, зато невольно прочтешь что-то другое, не менее интересное.

Хотелось бы, чтобы викторина появлялась на страницах «Огонька» не от случая к случаю (а тем более не через 50 лет), а ежегодно. Я ровесник первой викторины «Огонек». Образование — 8 классов, слесарь.

До новых встреч, Викторина!»

Это — единодушное желание многих наших читателей. Мы рады сообщить им, что в одном из первых «Огоньков» 1968 года будет опубликована новая научная викторина, не совсем обычная, во всяком случае, совершенно не похожая на ту, которую мы сегодня завершаем.

Она будет называться «ТВ»-1968».

ЛАУРЕАТЫ, ЗАНЯВШИЕ МЕСТА С 11-го ПО 50-е.

Их более сорока, если учесть, что некоторые из них выступали единым коллективом. Они получают памятные подарки.

Кроме того, мы учредили два специальных приза: за остроумие и за лучшее оформление ответов.

ПРИЗ ЗА ОСТРОУМИЕ — зуб кашалота из коллекции Калининградского АтлантНИИРО (институт рыболовства и океанологии)—присужден абсолютному чемпиону «Викторины «Огонек» 1967 года **И. С. Дручину.**

ПРИЗ ЗА ЛУЧШЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ—рисунок постоянного художника викторины Б. Алимова — завоевал **А. Ф. Погромский** из Чорткова, Тернопольской области.

ЧЕМПИОНОМ КИВа — этой своеобразной «викторины-наоборот» — стал учитель школы в селе Летник, Ростовской области, **Александр Стефанович Лепешка.** Он награждается стеклянным призом, который сделал мастер-стеклодув Физико-химического института имени Карпова Анатолий Журавлев.

Все чемпионы викторины вызваны в редакцию журнала «Огонек» для вручения призов и специальных дипломов.

ЛАУРЕАТЫ ВИКТОРИНЫ

(места с 11-го по 50-е)

11—13-е места (468 очков) — **Н. Н. Зайцев,** Пенза; **Ю. А. Иванов,** Дубна; **Е. И. Креденцер,** Уральск; 14-е (467) — **Б. И. Лаговский,** Москва; 15-е (461) — **Е. Н. Задоркин,** Липецк; 16—17-е (450) — **В. В. Воронцова,** Москва; **В. А. Эшпай,** Казань; 18-е (447) — **Ржевские,** Томск; 19—20-е (446) — **О. В. Костелев,** Енакиево; **А. Д. Папков,** Пенза; 21-е (440) — **С. И. Савченко,** Ростов-на-Дону; 22—23-е (439)— **БЕТ (Бочковский, Ефимов, Творцов),** Чебоксары, **И. П. Сергеев,** Москва; 24-е (428)— **Г. П. Зайцева,** Пенза; 25-е (427)— **С. А. Эльчиев,** Загорск; 26-е (426)— **А. А. Атавин,** Новосибирск; 27-е (425) **С. С. Лепарская,** Минск; 28-е (420)— **И. Г. Команов,** Керчь; 29-е (419)— **Н. В. и А. А. Куварины,** Москва; 30-е (418)— **А. Г. Каплевский,** Хотин; 31-е (416) — **Г. Н. Пархоменко,** Вахрушево; 32-е (413)— **В. Н. Курбатов,** Москва; 33-е (411)— **Л. А. Баранов,** Константиновка; 34-е (407)— **Э. Г. Бронская,** Сочи; 35-е (405) — **А. В. Крейчи,** Винница; 36-е (399) — **В. Журавлева,** Москва; 37-е (396) — **Б. В. Мельник,** Львов; 38—39-е (395) — **Корниловский,** Луганск, **В. Н. Филонин,** Новосибирск; 40-е (386) — **И. Н. Крашенинникова, К. А. Ревнитская,** Запорожье; 41-е (383) — **Н. И. Кожин,** Орехово-Зуево; 42-е (380)— **В. Л. Карпенко,** Ленинград; 43-е (379) — **В. М. Кораблев,** Орджоникидзе; 44-е (376)— **Р. К. Соколова,** Мурманск; 45-е (375)— **А. С. Аладышкин,** Москва; 46-е (373) — **В. М. Кирюхин,** Сызрань; 47-е (365) — **В. А. Пантелеев,** Флорищи; 48-е (362) — **В. Н. Ведмедь,** Москва; 49-е (360) — **Ф. П. Селиванов,** Россошь; 50-е (359) — **Н. М. Зубова,** Москва.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ВСЕХ УЧАСТНИКОВ «ВИКТОРИНЫ «ОГОНЕК» 1967 ГОДА С НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!

В. ШВАНЕВ,
начальник международного отдела Объединенного института ядерных исследований

ФИЗИК С УЛИЦЫ КУРЧАТОВА

Впервые я встретился с ним у моего товарища, вьетнамского физика Нгуен Дин Ты. В тот вечер мы собрались, чтобы проводить Нгуен Дин Ты. Срок его работы в Объединенном институте ядерных исследований окончился, и он собрался уезжать на родину. Из инженера за эти годы он превратился в Дубне в высококвалифицированного физика-экспериментатора, участвовал в интереснейших исследованиях на синхрофазотроне, защитил кандидатскую диссертацию.

Как сложится судьба молодого двадцатидвухлетнего вьетнамского теоретика Нгуен Ван Хьеу? Добьется ли он таких успехов, каких достиг его земляк и коллега, мысленно спрашивал я себя. Нгуен Ван Хьеу окончил ускоренный курс на физико-математическом факультете Ханойского педагогического института, работал некоторое время преподавателем физики в университете. Но здесь ведь совсем другие условия.

В тот вечер мы слушали рассказ вьетнамских друзей о своей родине, о культуре и обычаях народа, о его героической истории. Нгуен Ван Хьеу под аккомпанемент гитары пел революционные вьетнамские марши, народные песни. И мы словно переносились в далекий Вьетнам, видели долины с рисовыми полями, горы, джунгли, море...

У отца Ван Хьеу была большая семья: 10 детей. С тринадцати лет пришлось мальчику идти на работу на чулочную фабрику — надо было помогать отцу. Поэтому учился с трудом, не надеялся даже закончить 7 классов средней школы. Школьный учитель, которого Ван Хьеу встретил после окончания института, не поверил, что у его бывшего ученика диплом физика.

И вот Советский Союз. Дубна.

Нгуен Ван Хьеу предложили заниматься физикой нейтрино. Его увлекли эти удивительные частицы, мириадами летящие в космическом пространстве, беспрепятственно проникающие через огромные толщи вещества. Вскоре его коллеги увидели, что вьетнамский теоретик не только обладает огромной жаждой знаний и колоссальной работоспособностью, но у него настоящий талант исследователя, способность творчески мыслить в разных направлениях теоретической физики. Вместе с академиком Н. Н. Боголюбовым Ван Хьеу работал над структурой элементарных частиц, с академиком М. А. Марковым — по физике нейтрино, с профессором Я. А. Смородинским — по симметрии элементарных частиц. Кроме того, он вел исследования вместе с болгарским теоретиком И. Тодоровым, чехословацкими физиками П. Винтерницем и М. Углиржем, польским ученым Б. Среднявой и другими.

Через три года после приезда в СССР Нгуен Ван Хьеу с блеском защитил кандидатскую диссертацию, а еще через год — и докторскую.

Сейчас Нгуен Ван Хьеу — один из ведущих ученых Объединенного института ядерных исследований.

Мы спрашиваем Нгуен Ван Хьеу, какими проблемами он сейчас занимается.

— Допустим, ученые хотят включить прибор на автоматической станции, летящей где-то далеко в космосе. Для этого они с Земли подают сигнал-приказ. Через некоторое время этот сигнал дойдет до станции, и аппарат включится. Он не может начать работу, прежде чем сигнал дойдет до станции, не правда ли? Это и есть принцип причинности для нашего обычного мира. Многие физики думают, что такой принцип нельзя применить к событиям, происходящим на очень малых расстояниях. На таких расстояниях свойства пространства и времени могут коренным образом отличаться от их свойств в наших масштабах. Вот мы и намечаем пути проверки принципа причинности в эксперименте с элементарными частицами.

Нгуен Ван Хьеу живет на улице Курчатова с женой Нгуен Тхи Хонг и сыном Нгуен Хунг Сон. Но в Дубне их зовут Ваном, Розой и Мишей. Для маленькой дочки, которая родилась в Дубне, русское имя пока не придумано.

В просторной гостиной самое главное место занимают книги, главным образом по физике.

Миша ходит в школу. Он показывает рисунки, сделанные цветным карандашом. Вот корабль. Это крейсер «Аврора». А это «Война» — вьетнамские воины сбивают ракетами американские самолеты. А это школа, завод, гараж. Миша отлично говорит по-русски, лучше папы и мамы. Но он хорошо говорит и на своем родном языке: дома, в семье говорят по-вьетнамски.

Нгуен Тхи Хонг — тоже физик-теоретик, работает вместе с мужем в Лаборатории теоретической физики Объединенного института. Она училась на физическом факультете Московского государственного университета, филиал которого находится в Дубне. Конечно, Розе было очень трудно учиться и заниматься домашним хозяйством, но Ван Хьеу ей помогал.

Речь заходит о войне во Вьетнаме. Эта тема у вьетнамских друзей всегда на первом месте. Они работают и живут, постоянно помня, что их народ напрягает все свои силы, защищаясь от агрессоров.

— Мы не можем принимать непосредственное участие в борьбе нашего народа,— говорит Нгуен Ван Хьеу.— Но мы стремимся хорошо работать, неустанно учиться. Мы в любой момент готовы вернуться домой и с оружием в руках бороться за свою родину.

Нгуен Ван Хьеу.

Фото Ю. Туманова.

Париж. Пантеон.

ВУЧЕТИЧ РИСУЕТ

Евгений Викторович Вучетич широко известен как скульптор-монументалист. Его памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане, получивший высокое признание народа, приумножил славу большого художника — творчество Евгения Вучетича на подъеме, на взлете.

И вот перед нами Вучетич-график. Встреча совершенно неожиданная!

Мы видим художника в новом качестве. У него острый, наблюдательный взгляд, рисунок изящен, точен в умении охватить главное, отбросить несущественное. Здесь перед нами и Пантеон в Париже, и тонкий набросок профиля маленькой и печальной парижанки, и каналы Венеции, стиснутые старинными домами, и волжский рыбак с лицом, обожженным солнцем и ветром, и портрет героя Сталинграда — сурового речника-волжанина, испытанного воинским трудом...

Встреча с Вучетичем-графиком запомнится тем, кто любит искусство.

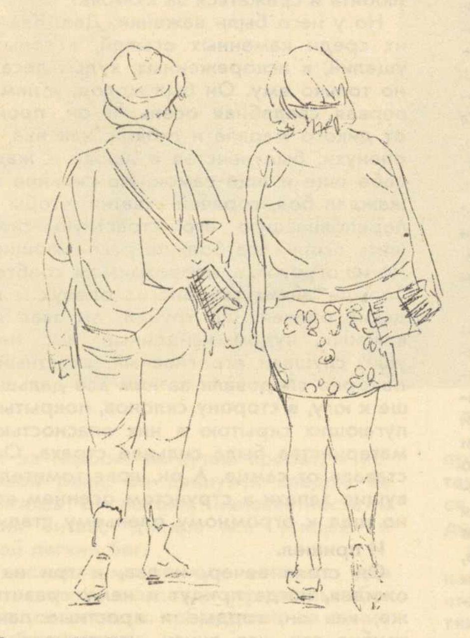
Истинный художник талантлив во всех жанрах.

Н. НИКОЛАЕВ

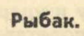
Парижанка.

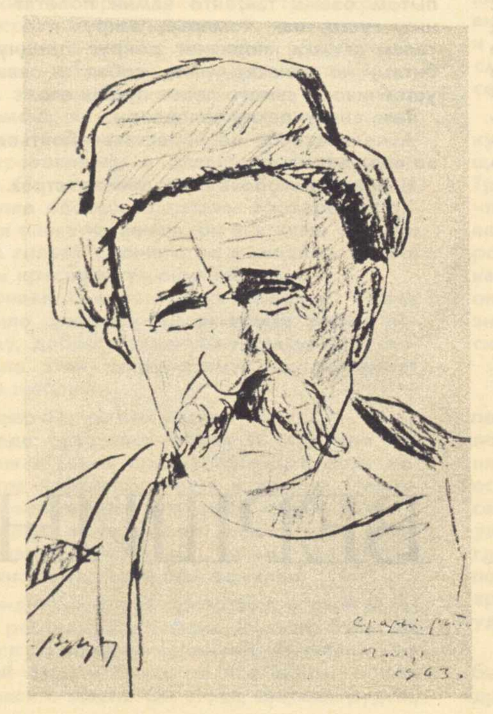
Портрет Веры Вучетич.

Париж. На бульваре.

Рыбак.

Павел Колчинский (из серии «Герои Сталинградской битвы»).

Венеция.

Виктор АСТАФЬЕВ

Рассказ

Рисунок П. Караченцова

НА ДАЛЕКОЙ СЕВЕРНОЙ ВЕРШИНЕ

Он часами неподвижно стоял на каменном останце, окутанном сонной дымкой. Останец был огромен, гол, черен и напоминал развалины средневекового замка. Вокруг останца раскатились на версту, а где и на две каменья величиной с двухэтажные дома. От этих каменьев откололись и рассыпались булыжины поменьше. Осыпи были похожи на серые стада, пасущиеся вплоть до зимних снегопадов у подножия скал на густотравных, заболоченных полянах.

Останцев, гольцов, осыпей, срезанных ветрами скал много на Великом хребте, и почти все они называются соответственно той форме, какую дала им природа: «Медведь», «Чум», «Трезубец», «Патрон» и даже «Бронепоезд».

Он почему-то выбрал Патрон. И на его тупом срезе, нацеленном в небо, стоял, глядя вниз. Если бы у него не было рогов, раскидистых и ветвистых, его можно было бы принять за причудливо источенную дождями и ветрами вершину — так он сливался со всем этим убаюканным тысячеверстною тишиною покойно-суровым миром.

На останец он выходил перед закатом солнца, когда спадала с вершин синяя паутина и было далеко и отчетливо все видно. Солнце перед тем, как закатиться, уютно западало в разъем его рогов и какое-то время покоилось там, будто в раскинутых добрых руках. Затем оно неспешно скатывалось за спину оленя, и от каждого отростка рогов улетали ввысь лучи, и весь олень вспыхивал голубоватым загадочно манящим светом и на миг словно бы превращался в яркую планету, взошедшую над Великим хребтом. Все звери и птицы замирали вокруг, в пугливой настороженности поворачивали головы туда, где вот уже несколько вечеров без дыма сгорал дикий олень и не мог сгореть.

Вожак двухтысячного оленьего стада, который аргишил к родному колхозу с запада на восток по Великому хребту, выедая по пути пастбищные мхи, чуть приотставал и, по-мужицки крепко расставив узловатые ноги, глядел на останец, где стоял и тревожно светился олень.

Ноздри вожака дрожливо пульсировали, от напряжения по ним сочилась сырость, к голове его приливала кровь, и в ушах начинало шуметь. Вожак тряс головою, пытаясь отогнать этот густой, тяжелящий все тело шум.

Вожак был грудастый, кряжистый и строгий. Он по праву сильного возглавлял оленье стадо, и вожаком признавали его не только олени, но и пастухи-оленеводы, доверчиво разговаривающие с ним и балующие его за верную службу солью-лизунцом. Вожак не раз спасал это стадо от нырких и бесстрашных северных волков, привыкших добывать еду в смертельной борьбе. Вожак умел находить кормные поляны ягельника среди осыпей, на пустынном, обветренном хребте: почуять надвигающийся обвал и узреть затянутые рыженькой шерсткой мха трясинные окна; расслышать крадущиеся, по-кошачьи мягкие шаги белошеего горного медведя, и много еще нужного и полезного для людей и для оленей знал и умел вожак. Не умел вожак одного — драться за продление рода, добывать в борьбе любовь.

Люди избавили его от этой извечной необходимости. Люди сделали его покорным и послушным, они помогли загаснуть в нем тому пламени, которое сожгло не одно оленье сердце, тому огню, из которого выплавлялись быстрые, как вихрь, самоотверженные и гордые в любви пантачи.

А тот, на останце, хотел сразиться. В позе его, напряженной и дерзкой, в раскинутых встречь ветру рогах, в поджатой ноге был вызов, и чувствовалось — вот-вот затрубит он на весь этот подоблачный край, встревожит и пробудит от белого сна горы и бросится следом за пенистым потоком вниз, слепой и яростный от губительно сладкой звериной страсти.

Вожака охватило беспокойство. Он уводил стадо все дальше и дальше от Патрона. Фигурка оленя на гольце сделалась уже с комарика величиной. И все же в долгую северную зарю, почти сомкнувшимся кругом обнявшую хребет, видно было дикаря оленя, и как спускалось солнце на его рога, видно было, и как он на мгновение превращался в язычок пламени и невиданной планеткой восходил над землей, а затем медленно угасал в пепельно-серых сумерках — видно было.

Но вот стадо отошло так далеко, что останец Патрон призрачно закачался и, как бы отделившись от земли, слился с небом, растворился в нем. Мускулы вожака сами собой расслабились. Он успокоенно улегся на просторной ягельной поляне, утомленно закрыл белыми толстыми ресницами глаза. Взамен вожака по бокам стада встали два сильных оленя, подняли головы, дрожливыми ноздрями процеживая струи воздуха, распутывая нити, вплетенные в эти струи, будто читали бесконечные, сложные, им лишь ведомые письмена. Вокруг отдыхающего вожака, кокетливо изгибая шейки, ходили пышногрудые, ушастые важенки.

Вожак смотрел на них дремно и сыто, переваливая во рту сочную ягельную жвачку.

Утром мимо стада сопровождаемые собачьим лаем и гамом прокочевали пастухи, остановились ненадолго, дали соли-лизунца вожаку (он хорошо нес свою службу) и разбили палатку за седловиной, в заветрии, у потока, с каменным лязгом падающего с высоты. Вожак через два-три дня приведет стадо к стоянке пастухов, и они пропустят его мимо, а после снова обгонят и снова разобьют палатку впереди. Так вот постепенно стадо оленей перевалит хребет. Нагуляв тело на горных ягельниках, к зиме олени спустятся на равнину, в колхоз, к спокойной, беззаботной жизни.

Дикарь этот отчаянный останется здесь одинокий, мятежный, и скорее всего волчья стая выследит его зимою, погонит так, что от мороза у него схватятся ледяными пробками ноздри, и он, задохнувшийся и обреченный, остановится в глубоком снегу. Волки неторопливо стянутся вокруг дикаря петлею — задушат, разорвут и растащат его по кусочку. Даже кровь с камней и со снега слижут голодные волки.

Откуда он взялся, этот бесстрашный гость? Зачем пришел сюда?

Уж много лет в этих краях нет диких оленей. Люди оттеснили их еще дальше на север, в ветреный и пустынный заполярный круг. Может, отбился от домашнего стада и одичал этот олень? Может, во время гона, забыв обо всем на свете, мчался безрассудно за важенками и очутился здесь? А может, никак не сыщет важенок и рыщет по хребту, истово желая любить и сражаться за любовь?

Но у него были важенки. Две. Как он нашел их среди каменных осыпей, в голых завалах ущелий, в искореженных, худых лесах, известно только ему. Он был молод, к нему пришла первая свадебная осень, и он, происшедший от дикого марала и гибкой, как ива, северной оленухи, был неистов в любви и жадно искал себе еще и еще самок. Но сильнее любви он жаждал боя, горячей схватки, чтобы истратить переполнявшую его страстную силу, притушить огонь, все больше распаляющий сердце. Но на огромном, необозримом хребте не было больше диких тонконогих оленух и гривастых диких оленей. Он трубил, он звал их, и две важенки, чудом найденные им, насторожив уши, слушали его гневный, властный голос и покорно следовали за ним все дальше и дальше к югу, в сторону склонов, покрытых лесами, пугающих скрытою в них опасностью. Жажда материнства была сильнее страха. Они не отставали от самца. А он, ловя томительные, зовущие запахи в струистом осеннем ветру, точно шел к огромному оленьему стаду.

И пришел.

Он стоял вечер, и два, и три на останце, ожидая, когда придут к нему сразиться такие же, как он, гордые и яростные пантачи. Он трубил так, что внизу, утаившиеся в камнях, вздрагивали немые, терпеливые и преданные в любви важенки.

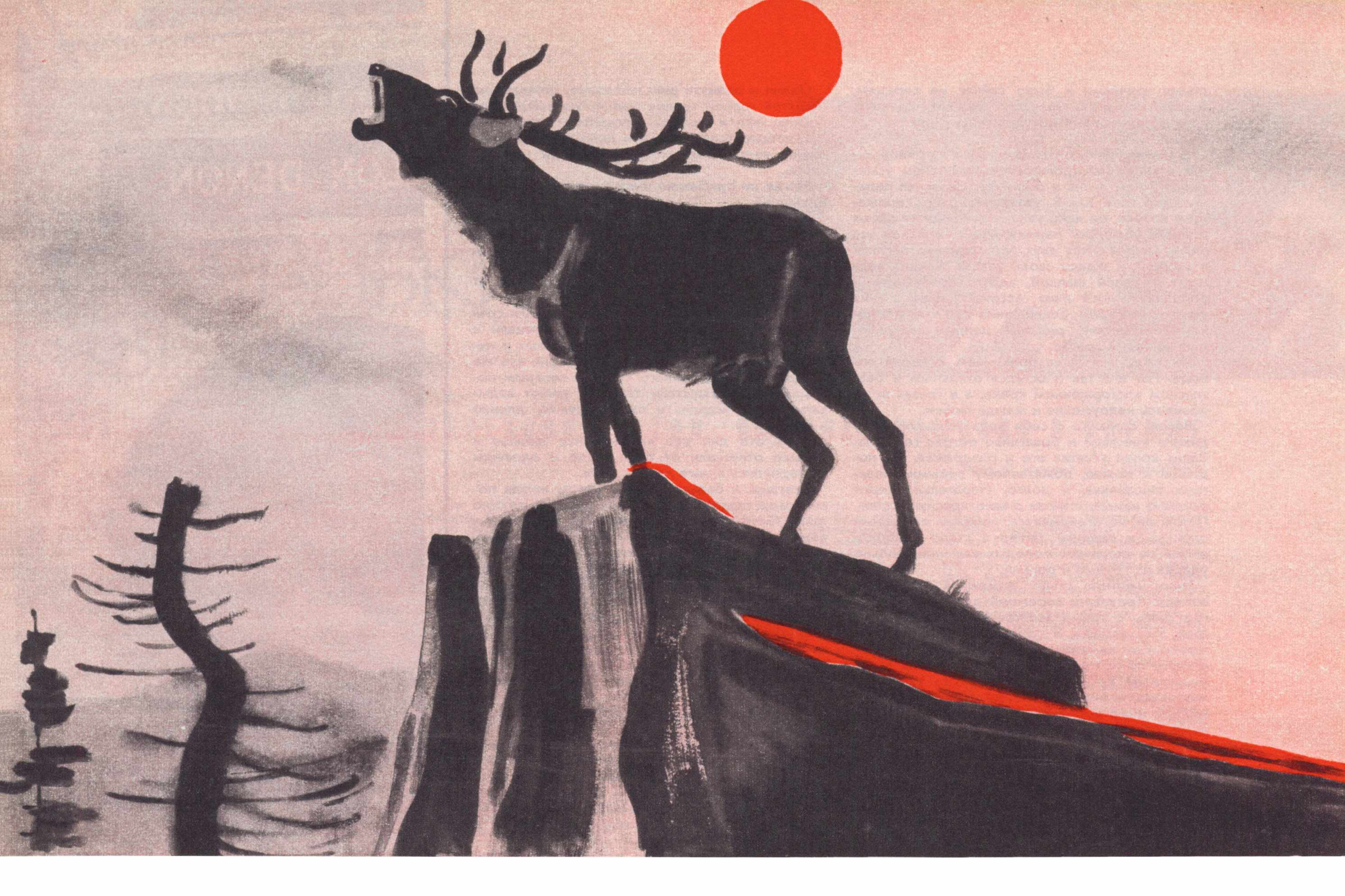
Никто не откликался на голос дикаря и не шел с ним драться.

Он мог бы сам прийти к стаду и ударить копытом оземь так, что камни полетят из-под них, густо, как комарье, закружатся клочья травы и мха, повиснет вокруг предчувствие битвы, но запахи дыма, собак и какого-то устойчивого, сытого покоя пугали его.

Там, внизу, пахло человеком.

А человека он не переставал бояться даже во время гона.

И все же любовь преодолела страх. Когда

стадо ушло за горбом выгнутый хребет, к истоку северной реки, он двинулся следом за ним. Разжигаясь от погони, неизвестности и предчувствия битвы, дикарь все ускорял и ускорял свой легкий бег.

За ним неслышными тенями мчались две легконогие важенки, осыпая с карликовых березок искры листиков и продолговатые синие капли с голубичников.

Он нагнал стадо на склоне хребта, где уже кончался мох, начинались леса и спутанными валами вразнохлест лежали на пологих полянах нескошенные травы.

Он вышел на середину поляны, постоял среди крепких, как проволока, веток травы-кровохлебки, среди пушистых ветвей иван-чая и густо воняющего перед холодами багульника. Воинственно всхрапнув, он ударил сильным копытом в землю. Вздрогнули травы, рассыпали сухие семена, из камней, керкая, снялся табун куропаток, брызнули дождем багровые шишечки кровохлебки и задвигались красными волнами. Он затрубил грозно и требовательно, теперь уже обоими копытами поочередно отбрасывая ошметки земли, он все ниже опускал тяжелую голову с ничего не видящими, захлестнутыми красным туманом глазами.

Он привел с собою двух важенок, и ему надо было доказать им и всему этому послушному, добропорядочному стаду, небу этому, земле этой, миру этому, что он имеет право на любовь.

И он завоюет ее или умрет!

От стада отделился вожак и стал, как бы загораживая своих оленей собою. В позе вожака была нерешительность и досада. Олени-рогачи почтительно толпились сзади вожака, как солдаты, в несколько рядов, а за ними пошевеливали длинными ушами, по-женски любопытно вытягивали шеи важенки.

Пантач-дикарь снова протрубил и еще дальше стал раскидывать землю. Должно быть, он докопался до когда-то огненной, но теперь уже остывшей лавы и высек из нее искры. Вожак не трогался с места. Он стоял, широкогрудый, приземистый, с неуклюжими, большими копытами, любопытно смотрел на разгорячившегося молодца и не знал, как ему быть и что делать.

У вожака снова зашумело в ушах, тяжестью наполнилось тело его, и он затряс головой, чтобы избавиться от этой докучливой, нудной тяжести и шума. А пантач понял это как вызов и, молодо, пружинисто играя затвердевшими мускулами, пошел навстречу вожаку с высоко вскинутой ветвистой головой.

Стадо оленей застыло в робком, растерянном ожидании. Дикие важенки, понимающие, куда клонится дело, отошли в сторону и начали щипать мох на ягельной полянке с таким видом, словно бы их тут ничего не касалось и никакого отношения они не имели к той смертельной схватке, которая должна была сейчас произойти.

Пришелец все двигался и двигался к вожаку, с достоинством и каким-то звериным изяществом, конечно же, отмеченным самками. Трубил он еще громче, трубил с перерывами, чтобы все важенки — и те, которых он привел, и те, что были отгорожены от него лесом рогов,— слышали, как клокочет его голос, раскаленный жаждой битвы, чтобы видели, какой он красивый, сильный и бесстрашный и какая знойная сила таится в его молодом, еще нисколь не истраченном теле.

О победе он сейчас не думал.

Он ни о чем сейчас не думал. Нутро его переполнилось пламенем, все в нем бушевало такою огненной стихией, что никакая власть, никакая сила на земле не могла сейчас ни остановить его, ни образумить. Он, смиряя себя, еще благородно постоял перед вожаком, увидев, что тот не изготовился к бою. И когда вожак наклонил голову и, разжигая в себе полууснувшие инстинкты и покрытую жиром ярость, затряс рогами и всхрапнул, дикарь ударился рогами в его рога.

От этого сухого, оголенного удара, какой бывает только при ударе искровых кремней друг о дружку, шарахнулось и затопало стадо. Олени перестали жевать моховую жвачку и с туповатым удивлением глядели на битву самцов.

Пантач разогнался для второго удара и, уже не видя вожака закровенелыми глазами, а лишь природою данным ему чутьем угадывая его, с новой, еще более страшной силой стукнулся рогами в рога вожака и почувствовал, как спружинила шея противника и откинулась его голова. Не размыкая рогов, пантач стоял, упираясь в землю, и ноги его по колено ушли в засоренную острым плитняком болотину. На одной его ноге камнем подрезало кожу и задрало ее чулком. Сделались видны до звона натянутые сухожилия и красные, как огненная сталь, мускулы.

От натуги, от страшного напряжения выдувалась кровяная пена из ноздрей дикаря.

Вожак сдавал. Голова его закидывалась выше и выше. Оба оленя вздыбились, стоят на задних ногах, до пахов вдавив один другого в болотистую почву, жарко храпя друг дружке в оскаленные морды, роняя из ноздрей и изо рта кровавую пену. Вожак могуч, крепок, но он уже пьяно шатается и вот-вот рухнет на спину, ломая о булыжник отростки рогов, а олень с далекой северной вершины затрубит победу, закричит горам, земле, небу этому о законном праве на дикую свою любовь, добытом в справедливой борьбе.

Но вожак неуловимым движением головы высвободил рога и упал перед дикарем на колени в размешанную, развороченную болотину. Он как будто покорился, обессилел, сдался, лишь глаза его, не захлестнутые кровью и свирепым пламенем, зорко и напряженно следили за молодым, безрассудным оленем.

Долю секунды, одну только долю секунды дикарь стоял вздыбленный к небу, а затем, ликующе всхрапнув, бросился на поверженного соперника сверху.

Он даже и не почувствовал, как отросток рога вожака, расчетливо и точно подставленный, с легким хрустом вошел в него, словно граненый штык в грудь солдата — и холодное острие коснулось того, что билось пружини-

стыми толчками и было сейчас не сердцем, а сгустком огня, готового вот-вот прожечь грудь, разорваться восторженным криком победы.

В ноздри дикого оленя ударил нутряной запах откипевшей крови, и тут же, разом усмирился в нем огонь и откинулась красная пелена с его глаз. Как в прозрачном, чуть дрожащем потоке, он ясно увидел толпящихся вдали оленей, ушастых, перепуганных важенок за ними, увидел и тех двух, что спокойно паслись в стороне и ждали своей участи. Увидел вершину с белой шапкой, вдруг зарябившую и опрокинувшуюся вниз острием своим, вниз узкими истоками речек, вниз тупыми макушками лиственниц, редкими цепями наступающих на голый хребет.

Он умер, не успев прокричать о своей победе. Рот его так и остался открытым в безгласном восторженном крике, а в глазах остановилось недоумение и жажда любви.

Вожак стряхнул с себя враз увядшую тушу дикого красавца и брезгливо потряс головою. Запах крови угнетал его и раздражал. Он подошел к камню, обметанному серыми заплатами лишайника, и долго, старательно терся рогом о камень, стирая с него красную кровь. Потом он, не оглядываясь, побежал за своими оленями и сердито загнал в стадо разбредшихся по сторонам молодых важенок, больно ударяя их грудью и рогами.

Ночь настигла стадо домашних оленей у останца Трезубец, огромной даже среди этих гор скалы с тремя заостренными вершинами. Меж этих вершин, в одном из распадков, где камень был измельчен копытами оленей, переплетясь по-братски, как коренья одного дерева, лежали кучи рогов. Иные рога уже превратились в пепел, иные почернели и обломались, иные выбелило ветром, снегом и вешними потоками. Меж рогов проросла трава, и коробочки отгоревших цветов с сухим треском раскрывались сейчас, роняя семена в расщелины камней.

И хотя вожак и олени его стада не сбрасывали рога — их спиливали люди, избавляя животных от печального обряда, ради которого надо было делать изнурительный, дальний переход, все же слабый проблеск памяти останавливал и удерживал их у Трезубца, и какая-то священная привязанность к этому месту оживала в вожаке и во всех оленях стада.

Всю ночь стояло у Трезубца стадо, не смея кормиться и шуметь. До первого солнечного луча почетным караулом замирали олени у распадка, заваленного рогами, и ноздри их пульсировали, трепетали, вбирая запах тлеющей кости.

В эту ночь вожака что-то все время беспокоило, отвлекало. Чудилось ему: сквозь скорбный тлен настойчиво и остро струится запах того оленя, которого он убил на прошлой заре.

Вожак все ниже и ниже в скорби опускал голову к земле. Ему виделся молодой олень, несущий свои первые рога к древнему кладбищу. Он спустился с далекой, недоступной людям, северной вершины, с голых, прокаленных морозами камней, опутанных внизу карликовой березкой и стлаником.

Он шел через реки и грозные потоки, сквозь каменные лавы и гибельные болота, сквозь снежные обвалы и волчьи стаи, сквозь беды и бури. И когда он принес рога и, мучаясь, с болью выдернул их из кости головы и они сплелись ветками своими с рогами его предков — две крупные голубые слезы выкатились из глаз его. Он слышал, как тонко звенели они, скатываясь по отросткам рогов до самой земли, твердой, неласковой, но родной.

Пронизанный сладкой печалью, облегченный и светлый, лежал потом возле Трезубца молодой олень, и мудрость взрослого самца, которому дано было познать теперь радость ежегодного обновления, вселялась в него на всю жизнь.

Перед самым утром вожак услышал, как стадо оленей встревоженно ворохнулось и запереступало. Он недовольно повернул голову, и, хотя ночь была без звезд и луны, по слетающему с вершин ветряному запаху, в котором студеною лентою колыхался дух северных, пресных снегов, он почувствовал, что в стадо пришли важенки. Те, две.

Вожак не прогнал их и на рассвете увел стадо от Трезубца.

Олени и оленухи шли медленно, оставляя на мшистой горной тундре подчистую выеденные поляны мха и темную, несколько лет не зарастающую топанину. То и дело оглядывались олени, вздрагивали ноздрями, глядя на Трезубец.

Вожак не прибавлял шагу и не торопил своих оленей.

Через несколько зорь, когда люди разбили палатку уже в лесу, на восточном склоне Великого хребта, а олени уже шли вдоль границы лесотундры по проплешистым затравенелым мхам, дикие важенки начали отделяться от стада.

Днем они кормились на полянах, лежали среди седых стлаников и уже не подпускали к себе толстоногих, не очень разборчивых и настойчивых в любви самцов. Ночью они все же заходили в гущу теплого стада, с которым породнились, и вздыхали так, как умеют вздыхать только коровы и олени: шумно, длинно и грустно.

День ото дня две важенки все дальше и дальше отпускали от себя стадо и однажды не вернулись в него даже к ночи.

Светлым и белым от инея утром вожак повел свое стадо вниз, в необозримую, глухую тайгу, оставляя горные вершины, останцы и перевалы в ярком сиянии уже не греющего, праздно сверкающего солнца. Перед тем, как уйти из горной тундры, тесной и просторной до следующего лета, вожак обвел прощальным взглядом Великий хребет, клубящиеся по склонам стланики, осыпающиеся ягодники, не тронутую косой траву и черные развалины скал, вбирающих в глухую, веками остуженную грудь первый холодок, который потом наберет силу, лютость и станет разрывать их на куски, осыпать торокочущей лавой мелкого плитняка, то громадными, все сокрушающими на пути глыбами.

На острие Трезубца, сталисто отблескивающем в вышине, вожак различил две тонконогие ушастые фигурки. Они стояли там плотно, одна к другой, сиротливые и печальные до тех пор, пока все стадо до последнего оленя не скрылось в лесу, выжидательно притихшем в предчувствии снега и зимы.

Вот и вожака, мудрого и заботливого отца стада, не стало. И он скрылся в лесу. Ушел. Дикие важенки еще долго, до самой темноты напрягали зрение и нюх, но ничего уже не было видно. И запах оленей растащило по хребту острым, крепнущим ветерком. Уже впотьмах спустились важенки вниз и пожили у Трезубца до тех пор, пока не завалило рога в ущелье снегом, пока морозом не усмирило запах того бунтаря-пришельца, что принес сюда свои первые рога.

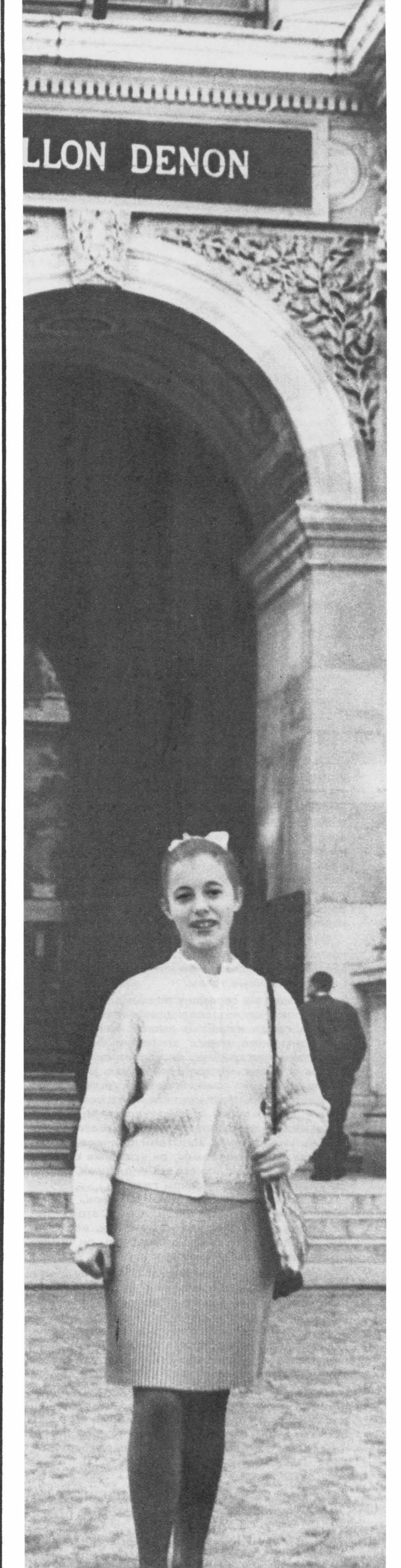
Важенки начали отходить к западному склону Великого хребта, спускаясь ниже и ниже по редколесным распадкам. К весне они достигнут того места, которое зовется у людей островом. Есть такой уголок среди великих гор, где звери спасаются от опасности. Дикие олени, козы, лосихи здесь рожают детенышей, и здесь же скрываются больные или раненые звери — хищники — и никогда ни один зверь ни в голоде, ни в злобе не трогает здесь друг дружку.

Небольшая для этих мест пологая гора — верст пять в длину и с версту в поперечнике, вся заросшая лесом, шипицею да черничником, она со всех сторон окружена гиблыми, непроходимыми осыпями и потому совершенно неприступная для человека, который для себя никак не может найти такой вот безопасный островок на всей огромной земле.

В хитроумных, запутанных щелях, среди громадных внизу и мелких вверху валунов и камней, где, казалось бы, только змейке и проползти, есть звериные тропы.

Когда наступит срок, по одной из этих троп, бесшумно, тайком поднимутся сюда две важенки и на мягком, толстом, затянутом черничником и брусникою мху, под приземистыми кедрами и пихтами, обвешанными бородами лишайника,— принесут они детенышей, стремясь восполнить тот урон, который осенью понесла природа.

И спустя год-два на Великом хребте, на далекой северной вершине, снова затрубит дикий олень с клокочущим от страсти сердцем и потребует справедливой борьбы за то, что у людей еще с древности зовется любовью...

МАЛЕНЬКИЕ ЗВЕЗДЫ,

ИЛИ РАССКАЗ НАТАШИ ТЕРЕХОВОЙ О ТОМ, КАК ОНА ПОБЫВАЛА В ПАРИЖЕ

Фото В. Чунина и И. Гольдберга.

Хотя Наташа уже в 9-м классе, но интервью, которое она мне давала о гастролях ансамбля во Франции, началось с разговора про куклу. Виновата в этом, конечно, была я. Красивая, большая и очень нарядная кукла мне сразу бросилась в глаза, я не могла устоять и, к удивлению моей серьезной собеседницы, которая, немножко все же волнуясь, ждала от меня важных вопросов, спросила про куклу. Наташа призналась, что ей она тоже очень нравится, что подарили ее в Лионе — это был последний концерт их ансамбля во Франции. Только вот кто подарил, трудно сказать.

— Тогда на сцену вышло очень много народу, еще больше, чем на предыдущих концертах, все говорили и аплодировали. А сцена там огромная — концерт проходил во Дворце спорта, который вмещает 10 тысяч человек. И, представьте, все было полно!

Мы думали, что кукла говорящая: вертели ее, трясли, на спину нажимали, но никакого толку — молчит. Это она здесь случайно задержалась. Ее тоже на выставку отнесут. Сейчас ведь здесь, в Московском Дворце пионеров, выставка наших подарков, сувениров, фотографий, рецензий.

Отмечается 25-летие нашего ансамбля. По этому поводу у нас и отчетные концерты, и запись на пленку в Доме звукозаписи, и радиопередачи, но вообще-то по радио нас не так часто передают. В радиофонотеке наших 250 песен.

25-летие ансамбля исполнилось еще раньше, до поездки во Францию, но за несколько дней до торжеств у Владимира Сергеевича Локтева — нашего художественного руководителя,— вы, конечно, знаете его, его все знают — случился инфаркт, потому что он всегда за нас волнуется. Ну, а какой уж тут праздник без него; вот и перенесли. А теперь он выздоравливает. Очень жаль, что его не было с нами во Франции, все-таки ему приятно было бы: там так нас хорошо принимали.

А вначале все волновались. Особенно перед первым концертом. Представляете, в Париже, во Дворце Шайо, где на сцене разные знаменитости выступают, и вдруг — дети. Да не какие-нибудь там лауреаты, вундеркинды, а мы, самые обыкновенные. Как-то нас примет Париж? А у них в этом дворце вместо звонка какой-то колотушкой по полу бьют; как застучали, у нас сердце в пятки, первое отделение прямо как деревянные были. Спели первую песню и боимся друг на друга взглянуть, а уж на публику и глаз не поднимем. Пауза нам показалась бесконечной — знаете, ведь на сцене время совсем по-другому измеряется,— а потом как все зааплодировали. Посмотрели мы в зал — многие платки к глазам подносят. Потом нам объяснили, что это русские эмигранты. Они часто к нам подходили на улице, в театре, разговаривали, расспрашивали про все, про все, особенно молодые, которые родились уже за границей. Многие и Россию-то не видели, но все говорят по-русски и очень хотят приехать посмотреть. А одна старушка в первом ряду каждый раз вскакивала, воздушные поцелуи нам посылала, мы даже боялись, что она на сцену впрыгнет: такое с ней делалось.

Наутро после концерта принесли газеты. Во многих были наши фотографии и нас называли маленькими московскими звездами.

«Песни и танцы пионеров Москвы покорили парижскую публику...» Это «Юманите». А «Монд» писала: «...Они лукавы, и жизнерадостны, и готовы, как говорится, начать хоровод со всеми детьми мира». Это правда.

Однажды к нам в гости пришел поэт Жан Дрежак и дал свою песню «Октябрь», написанную с композитором Филиппом Жераром. Песня эта — очень популярная во Франции — о стране, которая подарила весну всему человечеству. Мы разучили ее в один день.

Во Дворце Шайо у нас были концерты с 17 по 22 октября. Вот какую они программу выпустили: «150 детей. Ансамбль пионеров Москвы. Приглашены Обществом Франция — СССР». Вообще-то у нас в ансамбле 1 500 ребят, оркестр, четыре хора: «Зернышки» — это малыши; «Звездочки» — октябрята, затем «Пионер» и «Юность» и несколько хореографических групп. Ну, конечно, полторы тысячи человек везти было невозможно — столько народу! Да некоторых из школы не отпускали, кто не очень хорошо учится. И так нам, знаете, какой самолет дали? «ИЛ-62». Мы были первые, кто на нем летел в Париж. Так быстро долетели, что первое время не верилось, что мы в другой стране. В прошлом году, когда на Дальний Восток на гастроли летели,— куда дольше. Маршрут — 14 тысяч километров. Как там интересно было, я первый раз на таких гастролях была. Наши ребята уже и в Сибирь ездили, и в Болгарию, и по Волге плыли, и в Чехословакии выступали, Украина и Кубань их слушали, ГДР и Финляндия. А я далеко только с мамой ездила — она геолог и один раз меня взяла с собой. А тут Тихий океан, моряки, пограничники, подводники, рыбаки; то концерт на палубе военного корабля, то в матросском кубрике, то в доке, то в пограничном гарнизоне...

О нашем пребывании на Дальнем Востоке даже цветной документальный фильм сняли «Салют океану». Когда мы летели во Францию, его как раз показывали по телевидению. Но я опять отвлеклась. Пожалуй, лучше я буду смотреть в дневник и рассказывать. Только я записывала в нем очень кратко, сумбурно, для себя, и не каждый день: времени совсем не хватало.

Ну, с самого начала в дневнике не интересно — это про отъезд. Да, вот только что. На аэродроме в Шереметьеве нам всем выдали заграничные паспорта. Представляете, мы еще советских не имеем, ведь только в 16 лет дают — и вдруг заграничный... Поселили нас в 50 километрах от Парижа, в замке Трильбарду. Да, в настоящем замке. Мальчишки, конечно, тут же не растерялись, на поляне стали играть в футбол. Они мяч с собой захватили. В комнате, где мы обитали, было что-то вроде деревянной горки; мы ее быстро освоили, разок-другой прокатились, а когда это наскучило, пошли осматривать всю нашу резиденцию.

Назавтра, в воскресенье, совершали экскурсию по Парижу. Из-за дождя почти не вылезали из автобусов, только мотали головами налево-направо — и дальше в путь. Все было кругом как-то серо, и я вспомнила старые видовые фильмы про Францию, которые нам показывали в Москве.

19 ОКТЯБРЯ. Перед вечерним концертом пошли немного прогуляться и попали в Музей современной живописи. Швейцар узнал, что мы московские пионеры, и пустил нас туда бесплатно. В благодарность мы пригласили его к нам на концерт, как делаем это всегда, а потом только спохватились, что мы не дома, и очень волновались, что его не пропустят; но он не смог прийти. В музее мне очень понравились три женских портрета — как живые...

22 ОКТЯБРЯ. Вчера ездили в Музей Ленина, организованный французскими коммунистами. Как-то непривычно, Музей Ленина — и вдруг всего одна комната. Но очень приятно, что музей этот очень тщательно и любовно организован, чувствуется, что Ленин здесь дорог.

Сегодня в 2 часа был прощальный концерт в Париже. В антракте педагоги сказали, что публика в фойе ждет нас, чтобы получить автографы на программках и наших пластинках, которые тут же продавались. Не успели мы выйти, как налетело столько народу, что у меня закружилась голова; нас буквально разрывали на части. Не знаю, как мы уцелели и в каком виде предстали во втором отделении.

23 ОКТЯБРЯ. Вот мы и в Марселе. Он совершенно иной, чем Париж. Кривые, тесные улочки. Из окон домов протянуты веревки, и висит белье. Кругом белые горы известняка, голубое небо, сочная зелень, красно-желтые кусты виноградников, синее море. На высокой горе стоит очень красивое сооружение средневековья — Нотр-Дам де ля Гар. Внутри он поразил нас своим современным оснащением. На столе у священника — микрофон. Все время включаются световые эффекты, как в цирке. Хора нет, вместо него магнитофонная запись; при нас пленку заело, и, сколько мы ни ждали, механический хор все твердил одно и то же, пока священник не выключил.

На репетицию к нам пришел сын Мориса Тореза — он здесь в школе учитель русского языка. Он был на обоих наших концертах и приводил с собой учеников — почему-то одних мальчишек. Днем ездили небольшими группами в школы, давали концерты, играли, разговаривали, обменивались значками.

26. Лион. Рабочий город. Уже подъезжая к нему, мы видели много труб. На вокзале нас встречали ребята, члены Союза отважных. Они пели свои песни и подарили нам красивые цветы.

Вот и последний концерт.

Но о нем я вам уже рассказывала, это во Дворце спорта, где 10 тысяч присутствовало.

27. В Париж, в свой замок, мы возвращались как домой. Нас встретили наши автобусы и наши водители, с которыми мы успели подружиться. У одного из них, Анри, родилась дочка. Ребята написали по-французски поздравление, мы разучили его и приветствовали Анри, надарив его дочке разных сувениров. Из служащих замка я подружилась еще с Клео. Ей 18 лет. Она студентка, изучает философию, экономику и свободно говорит по-английски, а в замке она работает на кухне, чтобы иметь возможность учиться.

29. Сегодня мы побили рекорд среди туристов. Обежали весь Париж: были на Монмартре, оттуда — на кладбище Пер-Лашез, объехали на автобусе вокруг Нотр-Дам.

Погода чудная. Париж такой красивый, но у нас уже головы не поворачиваются ни налево, ни направо. Я не выпускаю из рук фотоаппарат. Еще кадр на прощание... Мы уезжаем.

Когда я приехала в Москву, дома меня ждали письма из Франции, от Клео и других моих новых товарищей, вырезки из французских газет... Но главное — мама мне сохранила «Комсомольскую правду». А в ней сообщалось, что наш художественный руководитель Владимир Сергеевич Локтев удостоен премии Ленинского комсомола. И рядом с ним в списке лауреатов стояли имена наших французских друзей Жана Дрежака и Филиппа Жерара, авторов песни «Октябрь», которую теперь мы с таким удовольствием поем всегда на концертах.

И. ВЕРШИНИНА

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

1

аясов не узнавал Ченска. Чем больше он ездил и ходил по его улицам, тем больше нравился ему город. Собственно, стало два Ченска. Новый, выросший за послевоенные годы, прижал старый город к реке, и тот выглядел теперь как-то по-деревенски.

Когда Маясов высказал удивление по этому поводу, шофер Тюменцев обернулся к нему, сдвинул на висок кубанку:

— Ченск сейчас самый отменный город в области!..

Маясов и лейтенант Зубков весело переглянулись: словечко «отменный» было у Тюменцева любимым. Маясов позволил себе усомниться:

— Так уж и самый?

Тюменцев нимало не смутился:

— Конечно, Владимир Петрович, и на солнце есть пятна...

Они ехали на завод, где Маясов должен был прочесть лекцию о подрывной работе иностранных разведок. Вид города и разговор с шофером на несколько минут отвлекли его. Но вот Ченск остался позади, и майором вновь овладели мысли, которые неотвязно преследовали его последнее время.

Началось это почти два месяца назад. А если говорить точнее,— двадцатого сентября. В тот день он явился к начальнику областного управления, который вызвал его телеграммой из Ялты, где Маясов отдыхал. Генерал Винокуров предложил ему новое назначение: в Ченский отдел КГБ, начальником.

Маясов был в недоумении: неужели нельзя было подождать, к чему такая спешка?

Винокуров улыбнулся, молча достал из папки несколько отпечатанных на машинке листов, протянул их майору.

Это были присланные два дня назад из Москвы выписки из протокола допроса недавно арестованного на Урале агента американской разведки Лазаревича. Прежде чем прочитать выписки по порядку, Маясов невольно пробежал глазами строчки, кем-то жирно подчеркнутые синими чернилами. И ему сразу стало понятно главное: американцы забросили своего разведчика в Ченский район.

Майор на мгновение поднял голову от бумаг. И тут же Винокуров сказал:

— Вот так, заброшен еще весной. К сожалению, Владимир Петрович, о нем вы больше ничего существенного в протоколах не найдете...

Генерал взял со стола перочинный ножик, начал затачивать над пепельницей карандаш. Ждал, когда Маясов закончит чтение.

— В Ченском районе,— сказал он потом,— есть несколько важных оборонных объектов. Особый интерес представляет экспериментальный химический завод. К нему-то, видимо, и присматриваются американцы.

Генерал поднялся из-за стола — плотный, широкоплечий,— подошел к висевшей на стене географической карте.

— Завод в двадцати километрах от Ченска, вот здесь... В урочище Кленовый Яр.

— Кленовый Яр? — удивленно переспросил Маясов и тоже подошел к карте.

Областная карта была крупномасштабная, почти вся изумрудно-зеленая. Маясов присел у ее нижнего обреза, стал искать знакомые названия поселков и деревень... А вот и урочище Кленовый Яр, на запад от которого болотистые ченские леса тянулись за пределы области, до самой Белоруссии.

— В этих местах я партизанил, товарищ генерал...

— Что ж, Владимир Петрович, знакомство с Ченским районом вам не помешает.— Заложив руки за спину, Винокуров прошелся по кабинету.— Но мы учитывали не только это. Думаю, и ваш старый гражданский опыт инженера-химика тут тоже пригодится.

— Что вы имеете в виду?

— Уязвимость завода «Кленовый Яр» в диверсионном отношении,— сказал Винокуров. И, помолчав, добавил:— Арестованный Лазаревич, как вы могли заметить из протокольных выписок, готовился не только в качестве разведчика, но и как диверсант. В каком амплуа заслан американский агент вместо него, пока неизвестно. Поэтому вы должны быть готовы ко всяким сюрпризам...

...Вспомнив этот разговор теперь, Маясов подумал, что он во многом, пожалуй, и определил контрразведывательную тактику ченского отдела: всеми мерами обезопасить кленовоярский завод от вражеских диверсий.

«Но правильно ли это — преднамеренно ограничивать возможную сферу действий американского разведчика в столь обширном районе рамками одного завода? — спросил себя Маясов.— Ведь это же серьезный риск». И тут же мысленно ответил: да, безусловно, риск есть. Но это неизбежно, потому что бить надо кулаком...

Подняв воротник пальто, майор закрыл глаза.

— На горизонте завод «Кленовый Яр»! — громко сказал Тюменцев, думая, что майор заснул.

2

С вечера над Ченском разгулялась вьюга. Ветер трепал голые ветки старых лип, завывал в проводах. По тротуарам мела поземка...

Алексей долго стоял у окна. Взгляд его был угрюм. Потом он задернул занавеску, включил свет, посмотрел на часы.

Докуривая сигарету, он вышел в полутемный коридор. Немного постоял там, прислушиваясь. В соседних квартирах было тихо — все уже легли спать.

Алексей вернулся к себе. Часы показывали ровно двенадцать. Он подошел к этажерке, на которой стоял небольшой радиоприемник, покрутил ручку настройки.

Голос диктора, говорившего по-английски, звучал негромко, но четко. Алексей запер на ключ дверь и, как только чеканный дикторский баритон сменился вальсом «Амурские волны», сел за стол, положил перед собой карандаш и бумагу.

Тихо играла музыка. Но вот, как это бывает, когда перехлестываются радиоволны, в эфире появились другие звуки: приглушенный женский голос называл четырехзначные числа: 3431, 2708, 2543, 3309, 7865, 3917...

Взяв карандаш, Алексей стал быстро записывать. Твердый графит рвал бумагу. Перемежаемые короткими паузами шифрогруппы следовали одна за другой.

Минуты через три женский голос умолк. Алексей перевел дыхание, вытер вспотевший лоб. Достав с этажерки толстый том «Политического словаря», иглой извлек из корешка шелковую шифроленту с нанесенными на ней мелкими знаками....

Когда дешифровка была закончена, Алексей прочитал радиограмму, машинально подчеркивая каждое слово. Всего их оказалось сорок семь. Не так уж много... Однако вполне достаточно, чтобы заставить человека помрачнеть...

Алексей с ненавистью поглядел на лежавший перед ним текст шифровки и стал поглаживать, растирать пальцы на левой руке. Из пяти болели четыре — те, что побывали под прессом... С этого все и началось. Его уволили с завода. На другую работу устроиться не мог: в Мюнхене хватало парней со здоровыми руками. Он прожился до последней рубахи.

Однажды осенью, под вечер, Алексей зашел в магазин погреться. Его мутило от голода. За стеклом витрины аппетитно лоснились колбасы. Он решил украсть круг «гамбургской». И украл, спрятал под засаленную рубашку... С того дня воровство стало его профессией.

После одной из краж Алексея поймали. Глядя на светлое небо за окном, перехваченным тюремной решеткой, он думал о возвращении домой, на родину. Эта мысль являлась ему и прежде. Но он отгонял ее: западные газеты и радио утверждали, что возвращающихся ссылают в Сибирь или расстреливают...

Потом снова скитальческая жизнь. В поисках работы он исколесил половину Германии, побывал в Италии, приехал во Францию. В Париже, наконец, ему удалось устроиться чернорабочим в гараж. Но зарабатывал мало, жизнь была нищенская.

Однажды в гараже появился некто в сером костюме. Когда подошло обеденное время, он пригласил Алексея в соседнее бистро.

Угощение было подходящим, спиртного вволю. Они сидели за столиком в углу, разговор велся вполголоса.

— Я не обманываю, Михайленко: если решитесь, вас ожидает интересная жизнь. Можете стать богатым человеком.

Алексей решился:

— Один черт! Терять мне нечего...

Через неделю вербовщик привез Алексея в Западный Берлин, где в небогатом полупустом отеле с рук на руки сдал долговязому молчаливому Хьюзу.

Прошла еще неделя. В понедельник вечером Хьюз посадил Алексея в порядком потрепанный «шевроле» и примчал к какому-то большому дому. В просторной неуютной квартире на втором этаже их ждали. Хьюз познакомил Алексея с маленьким, быстрым человеком, который отрекомендовался Лаутом.

Налив в рюмки коньяку, Лаут угостил Алексея дорогой сигарой (сам он не курил), стал дотошно расспрашивать о его прошлой жизни. На прощание сказал:

— Мы с вами еще встретимся...

Вторая встреча состоялась на той же квартире примерно через месяц. Вместе с Лаутом была молодая желтоволосая женщина с ярким, красивым ртом. И на этот раз Лаут расспрашивал Алексея о его жизни, а на прощание сказал:

— Вы нам подходите! — И протянул лист бумаги с текстом, отпечатанным на машинке,— подписку о сотрудничестве с американской разведкой, которую представлял Лаут в Западном Берлине.

Алексей расписался, Лаут сложил бумагу, спрятал в боковой карман.

— А теперь Хьюз отвезет вас на медицинский осмотр.

— Но меня уже осматривали...— сказал Алексей.

— Это вторичный осмотр.— Лаут строго посмотрел на него.— Так у нас принято.

«Медицинский осмотр» оказался обыкновенной проверкой на полиграфе, который в обиходе принято называть детектором лжи. Хозяева хотели установить, не является ли Алексей советским разведчиком.

Разведшкола располагалась в пригороде западногерманского города Фюссена, неподалеку от озера Алатзее. Алексею, который теперь значился под фамилией Романов, отвели отдельную комнату. Программа обучения была обширная: радиодело, тайнопись, шифрование, секретное фотографирование, прыжки с парашютом.

Много практиковались в рекогносцировке «важных объектов». Их вывозили к аэродромам, в районы расквартирования воинских частей, к военным заводам. После каждого такого урока Алексей подробно, в мельчайших деталях докладывал инструктору о том, что видел,— так шлифовались наблюдательность и зрительная память...

Ровно через девять месяцев в школе появился Хьюз. С ним вместе приехал пухлощекий верзила Ванджей, развязный и шумный.

Он хлопнул Алексея по плечу:

— Старик Лаут шлет тебе привет!

На другое утро начальник школы пригласил Алексея к себе. Хмуро, будто на панихиде, поздравил с успешным окончанием учебы. Здесь же сидел Ванджей, ободряюще подмигивал. Весь этот день и потом еще два они сообща отрабатывали задание Алексея. Он получил теперь новую фамилию — Никольчук.

На прощание Ванджей сказал ему:

— Лаут просил передать: будете хорошо работать, сколотите солидный капитал. А если забалуете — пеняйте на себя...

С этим напутствием, которое звучало в его ушах по сей день, Никольчук, он же Михайленко, он же Романов, покинул Фюссен. Все тот же Хьюз доставил его на аэродром. Через несколько минут самолет поднялся в воздух и взял курс на восток.

Чтобы не так волноваться, Алексей беспрестанно курил, то и дело глядел на часы. Когда на светящемся циферблате обе стрелки сошлись на двенадцати, к нему подошел Хьюз:

— Пора!..

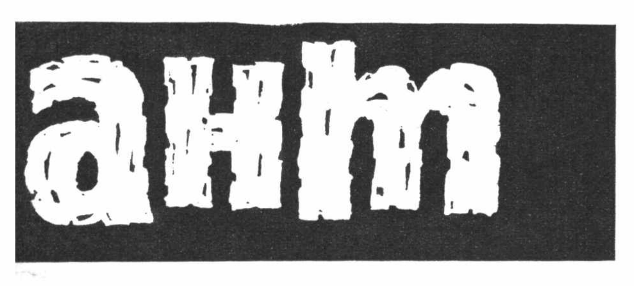
...Со стола, задетый локтем, вдруг упал карандаш. Никольчук вздрогнул, вскочил на ноги, ударом башмака отбросил карандаш, зашагал по комнате.

Когда надоело ходить, опять опустился на табурет у стола. Еще раз перечитал подписанную Лаутом радиограмму: «Двадцать седьмого ноября быть в Москве...»

Не дочитав до конца, скомкал бумагу. Чрезвычайная явка — только этого не хватало!.. Он выругался. Над чайным блюдцем, заменявшим пепельницу, сжег листки с расшифровкой, пепел растер пальцем.

3

Элен Файн остановилась в гостинице «Националь». Приехав с аэродрома, она приняла ванну, потом спустилась в ресторан, пообедала и теперь отдыхала у себя в номере, перелистывая свежие московские журналы.

Ее чтение прервал деликатный стук в дверь.

— Войдите,— сказала она по-немецки.

На пороге появилась девушка в темном строгом костюме.

— Госпожа Барбара Хольме?

— Слушаю вас.— Файн поправила прическу.

— Я из «Интуриста»... Извините за беспокойство. Вам нужен переводчик?

— Спасибо. Я достаточно понимаю и говорю по-русски.

— А какой вы предпочитаете транспорт?

— О, не беспокойтесь,— сказала Файн,— мне, пожалуй, придется больше ходить, чем ездить... Я работаю под руководством профессора Шермана — это известный немецкий искусствовед. Помогаю ему иллюстрировать книгу о церковном зодчестве... В вашей стране меня будут интересовать храмы и соборы Москвы и Загорска. И еще хотелось бы увидеть и заснять знаменитые церкви в Коломенском и Ченске...

Девушка из «Интуриста», простившись, ушла. А Файн тут же оделась и отправилась в Кремль.

Файн была здесь не впервые, и ее не очень занимали прекрасные белые храмы с их горящими в лучах вечернего солнца золотыми куполами. Но она делала вид, что эта старина ее по-настоящему захватила: останавливалась подле каждого собора и добросовестно щелкала затвором «лейки», висевшей у нее на груди.

И все время, пока ходила по аккуратно расчищенным от снега кремлевским дорожкам, она настороженно всматривалась в окружающих, выискивая тех, кто, по ее мнению, мог вести за ней наблюдение и кого она должна была с первого же дня пребывания в Москве сбить с толку, дезориентировать и вообще всем своим поведением показать, что в Советском Союзе ее интересует лишь то, о чем она официально заявила по приезде, то есть памятники церковного зодчества.

Но, как ни изощрялась помощница полковника Лаута, никакого наблюдения за собой она не обнаружила. Это ее успокоило и воодушевило: значит, свое настоящее дело она сможет делать без помех...

Это «настоящее дело», ради которого Файн прилетела из Берлина в Москву, началось для нее в воскресенье утром.

Гостиницу она покинула в одиннадцать часов. День был солнечный. Деревья вдоль кремлевской стены искрились инеем. Накануне вечером Файн наведалась в ГУМ, чтобы провести рекогносцировку. Там она ознакомилась с местом у фонтана, куда должен был сегодня ровно в двенадцать явиться вызванный из Ченска Алексей Никольчук. Она облюбовала уголок, где ей удобно будет стоять и где Никольчук сможет сразу заметить ее по обусловленной в радиограмме примете...

Время в магазине тянулось нестерпимо медленно. Было душно, шумно. Файн посмотрела на свои часики: без девяти двенадцать. И ей вдруг почему-то подумалось, что Никольчук не придет. Она пыталась отогнать эту мысль, как вздорную, ничем не обоснованную, но ничего не могла поделать...

Часы показывали уже двадцать пять минут первого. Файн еще и еще раз обвела взглядом площадку у фонтана. Значит, дурное предчувствие сбылось, к сожалению...

И все-таки отчаиваться пока не стоило. Ведь назавтра предусмотрена вторая, запасная явка... Эта мысль несколько приободрила Файн. Перед тем как покинуть ГУМ, она наскоро перекусила в кафетерии. Остаток дня провела в московских меховых магазинах: ей хотелось приобрести хорошую шубу. Спать в эту ночь она легла с легким сердцем и упрочившейся надеждой, что завтрашний день принесет ей удачу.

Но надежды не оправдались: Никольчук не вышел и на запасную явку.

Файн напрасно бродила по кассовому залу Ярославского вокзала, где была намечена встреча с агентом. Устав от бесплодного ожидания, она прислонилась плечом к массивной колонне. Куда же теперь? В Загорск, как было задумано, или спуститься в метро и вернуться в гостиницу?.. Нет, в Загорский монастырь она не поедет. С таким настроением у нее нет охоты играть интеллигентную дуру, влюбленную в отретушированные голубями церковные камни...

Весь остаток дня и вечер Файн просидела у себя в номере. Курила сигарету за сигаретой, перебирала в памяти события последнего времени, готовясь к завершающему, самому трудному этапу своей московской миссии.

Как никогда прежде, она боялась оступиться, сделать непоправимый шаг. И это не было только привычной, профессиональной осторожностью. Кодовое дело «444», по которому использовался Никольчук, в западноберлинском филиале считалось очень важным. Оно было связано с «проблемой номер один», стоявшей перед всеми подразделениями американской разведки: охотой за секретной информацией о новом ракетном топливе русских.

При всем этом практическое развитие дела «444» оставляло желать лучшего: ченский агент не проявлял пока ожидаемой от него активности. Причины некоторое время оставались неясными. Понять их в какой-то степени помог лишь недавний случай.

Девятого сентября 1960 года потерпел провал заброшенный полтора месяца назад в Приуралье разведчик западноберлинского филиала Лазаревич. Судя по условному сигналу, который он успел передать, чекисты взяли его в момент очередного сеанса радиосвязи с центром.

В тот же день, раздраженный случившимся, полковник Лаут вызвал Файн к себе.

— Надо, пока не поздно, спасать ченское дело!

Она непонимающе посмотрела на шефа. Маленький, сухонький Лаут возбужденно ходил по кабинету из угла в угол. Перехватив взгляд Файн, он желчно заметил:

— Что вы смотрите, будто с луны свалились?!

И она сразу вспомнила: вначале по делу «444» готовился Лазаревич, но потом он внезапно и надолго заболел.

— Мог ли Лазаревич знать, кто был заброшен в Ченск вместо него? — спросил полковник.

— Это исключено.

— Все равно надо что-то срочно предпринимать, потому что о нашей заинтересованности Ченским районом Лазаревич выболтает русским на первом же допросе.

В тот день разговор на этом и кончился: у Лаута еще не было готовой идеи, как поправить неожиданно осложнившееся дело. Решили на первых порах ограничиться дополнительной проверкой агента «444» — Никольчука.

И тут вдруг открылся один неприятный факт. Оказывается, незадолго перед отъездом на задание Никольчук был в баре в Фюссене. И там, подвыпив, настойчиво расспрашивал приятеля по разведшколе: правда ли, что в СССР введен новый закон о неподсудности тех, кто добровольно заявляет властям о своей связи с иностранной разведкой?..

— Над этим стоит задуматься,— сказал Лаут своей помощнице, когда она доложила ему о результатах проверки.— Что это было: пустая болтовня спьяну или зондирование с мыслью о предательстве?

Прошло несколько дней, и полковник сообщил Файн свое окончательное решение:

— Будем вводить в ченское дело нового человека.— Он пристукнул костяшками согнутых пальцев по краю стола.— И учтите: нам нужен не агент-дилетант, а опытный, надежный разведчик...

Задача, поставленная перед Файн, была не из легких. К ее решению, с благословения шефа, она подключила добрую треть сотрудников филиала. Работали, что называется, не покладая рук, не считаясь со временем. Но все пока было впустую. На еженедельные доклады к полковнику Файн являлась мрачная, злая, молча клала на стол справки из оперативных архивов.

— Все это мусор! — недовольно кривил губы Лаут, пробежав глазами листок за листком.— Мне начинает надоедать ваша медлительность...

Так в безрезультатных поисках шла неделя за неделей. Но всему, как известно, приходит конец. И вот однажды обрадованная Файн сама позвонила шефу:

— Я, кажется, зацепила то, что нужно.

Лаут тотчас потребовал ее к себе.

— Кто же он? — спросил нетерпеливо, как только помощница появилась на пороге кабинета.

— Фамилия Букреев. Кличка «Барсук». Бывший агент абвера.

— Подробнее...

— В войну активно использовался немцами в карательных операциях против русских партизан. За участие в одной из них близ Ченска был награжден железным крестом второго класса.

— Вот как! — Лаут сразу оживился, протянул руку через стол.— Дайте досье.

Открыв картонную крышку, он стал внимательно читать пожелтевшие от давности бумаги. Когда перевернул последний лист, надолго задумался. Потом поднял свою седую, гладко причесанную голову.

— Что ж, будем пока считать этот вариант запасным. Но вообще над ним стоит подумать...

— Простите, шеф,— сказала Файн.— А вы не могли бы сразу определить в вашем новом плане место и роль Никольчука?

— Никольчук нам пригодится при любом из вариантов... Но сначала нужно проверить, собирается ли он работать как надо. Для этого, мне кажется, будет полезно выехать на место и окончательно во всем разобраться.

4

Широко расставив локти, Алексей Никольчук сидел за столом, застланным тусклой клеенкой, макал в горчицу колбасу, прикидывал, что купить на завтрак. В столовой он только обедал. Так делали все одиноко живущие, подобно ему, сослуживцы. Он ничем не хотел выделяться, не нарушал первую заповедь нелегала: «Маскировка разведчика чем проще, тем надежнее. Не давай окружающим повода обращать на себя внимание...»

В коридоре вдруг послышались шаги, в дверь постучали.

— Да,— сказал Алексей.

В комнату вошла и нерешительно остановилась у порога женщина в коричневом пальто и белом пуховом платке, низко надвинутом на лоб.

— Мне нужно товарища Никольчука,— проговорила она, пристально всматриваясь в Алексея: в комнате было полутемно.

— Я Никольчук...— Он встал, включил свет.

Женщина прошла к столу, села на подвинутую ей табуретку.

— Я к вам от брата,— вдруг сказала она совсем другим тоном, сухо.

Голос показался Никольчуку знакомым. Смысл ее слов дошел до него не сразу. А между тем они составляли первую фразу пароля.

— От какого брата? У меня их много...— с трудом, будто нехотя произнес он ответную фразу.

— От Серафима.

— А чем вы подтвердите?

Никольчук, в упор смотревший на женщину в платке, наконец узнал ее. Это она на берлинской квартире, где с ним разговаривал Лаут, сидела у окна. Узнал, и, несмотря на это, в его душе еще теплилась какая-то глупая надежда, что завязавшийся обусловленный разговор окажется случайным совпадением, а сама женщина — не имеющей никакого отношения к американской разведке.

— Я вас слушаю...

— Это я вас буду слушать! — строго сказала Файн, сбрасывая с головы платок, поправляя прическу.— Заприте дверь, занавесьте окно!

Никольчук торопливо исполнил ее приказание. Она кивнула на тарелку с остатками еды.

— Я вам помешала?

— Ужинать? Нет...

— Ну, а вообще? — Файн в упор посмотрела на него, нехорошо усмехнулась.

Этот ее дерзкий, вызывающий вопрос, а главное — нахальный взгляд вернули Алексею самообладание.

— А вообще да! — твердо сказал он и смело глянул ей в лицо.

— Значит, помешала?

— Значит, помешали...— в тон ей ответил Никольчук и улыбнулся от пришедшей вдруг на ум дикой мысли: взять вот сейчас эту рыжеволосую красотку под локоток да и доставить прямехонько в КГБ — займитесь, мол, заграничной путешественницей...

— Чему вы улыбаетесь?

— А что мне не улыбаться? — с вызовом сказал Алексей.— Я у себя дома.

— Дома ли?! — Она усмехнулась и опять пристально посмотрела в его глубоко посаженные глаза, словно желая понять, совершил ли он уже то, что задумал, или нет. Если совершил,— значит, будет вести себя смело, не робея...

Никольчук не выдержал ее взгляда, что-то дрогнуло у него в лице. Он поспешно протянул руку за сигаретами, лежавшими на другом конце стола. Файн облегченно вздохнула («уверенности в нем не заметно, это хорошо») и тоже закурила из его пачки.

— Шеф считает, что период вашей акклиматизации в Ченском районе слишком затянулся.

— Шеф и все вы там плохо представляете здешнюю обстановку,— сказал Алексей.— Очень трудно работать...

— А я считаю, вы просто струсили, товарищ Никольчук,— оборвала его Файн, делая ироническое ударение на слове «товарищ».

— «Товарищ...» — Алексей грустно улыбнулся.— Да, к сожалению, «товарищ» надо брать в кавычки. И так будет всегда... Впрочем, вам не понять этого.

— Давайте, Никольчук, без лирики. Вы слишком дорого обошлись, чтобы мы от вас отступились. Мы ни о чем не забыли...

— Не грозите,— глухо проговорил Никольчук.— Я людей не убивал. Таких, как я, могут и помиловать...

— Вы в этом уверены?

«Если бы я был уверен...» — хотел сказать Алексей. Но промолчал.

— Поговорим о деле.— Файн встала, прошлась по комнате.— Через несколько дней кончается срок моей путевки. Что я должна передать шефу? Думаете вы работать с нами?..

5

— Я смекаю так...— неторопливо говорил старик Смолин, шагая рядом с Маясовым.— Уж больно не подходяще выбрано место для перевалочной базы. Какая-то несуразность получается: мы привозим с завода на автомашинах спецгруз, складываем его на этой шепелевской базе, и он лежит там, можно сказать, на виду, пока по железной дороге не пригонят порожняк. А груз этот, кроме всего прочего, огнеопасный.

— Но разве нельзя сделать, чтобы порожняк подавали точно к прибытию автомашин? — спросил Маясов.

— Пытались, Владимир Петрович, да не получается. Ведь тут как две державы: мы — по себе, а железнодорожники — по себе...

Не впервые идет по огромному двору Кленовоярского завода майор Маясов. Его высокую фигуру в черном осеннем пальто издалека узнают многие рабочие. Здороваются. А со Смолиным Маясов встретился еще тогда, когда приезжал сюда читать свою первую лекцию. Встретился и долго тряс его руку, обрадованно глядя в знакомые, теперь уже стариковские глаза. «Партизанили вместе»,— сказал Маясов в ответ на недоумевающий взгляд стоявшего рядом лейтенанта Зубкова.

Смолин, по-волжски окая, уточнил: «В ченских лесах в одном отряде горе мыкали. Где я потом ни воевал, до самого Берлина дошел, а такого, что пришлось нам, Владимир Петрович, хлебнуть здесь, в этом самом урочище Кленовый Яр, не доводилось переживать». «Да-а,— тяжело вздохнул Маясов.— Предательство Букреева дорого обошлось отряду»...

Расставаясь со Смолиным в заводском поселке, майор сказал старику:

— Насчет перевалочной базы вы правы. Что-то надо придумать.

Когда Смолин скрылся в своем подъезде, Маясов, захлопнув дверцу автомашины, предложил Зубкову:

— Давайте-ка сейчас, не откладывая, проедем в это самое Шепелево...

Там, на шепелевской перевалочной базе, они пробыли целый час. Излазили ее вдоль и поперек. Потом вместе с охранником забрались на обледеневшую по краям деревянную платформу. Сквозняк там гулял вовсю, обвевая со свистом столбы, подпиравшие крышу. Неподалеку от платформы тянулось расчищенное от снега широкое шоссе; с его бесконечным потоком автомашин: дорога начиналась на границе страны и, пересекая область с запада на восток, вела к Москве. По тропе, проложенной меж сугробов, поблизости от торцевой стороны платформы, не переставая, сновали пешеходы: и местные жители и приезжие, из тех, кому требовалось забежать в закусочную.

— Ну, как?..— спросил Маясов Зубкова.

— По-моему, товарищ майор, старик Смолин прав: место для перевалочной базы надо искать другое.

— А мне кажется, никакой базы вовсе не нужно,— сказал Маясов.

— Почему? — не понял лейтенант.

— Очень просто... От Кленового Яра до Шепелева всего пять километров?

— Пять.

— Так вот, если проложить здесь железнодорожную ветку, то спецгрузы с завода будут следовать без перевала до места назначения.— Маясов немного помолчал и заключил: — Завтра же поеду к директору. Думаю, Андронов нас поддержит...

6

В слякотный мартовский день, под вечер, Тюменцев и его приятель Арсений Павлович Рубцов шли к автобусной остановке: им надо было доехать до Дворца спорта. Не обходя луж, размахивая чемоданчиком, Тюменцев на ходу оживленно рассказывал:

— ...Он меня раза три на канаты бросал. И все-таки на мой крюк справа нарвался. И тут уж, конечно, амба: отменный нокаут!

Тюменцев от избытка чувств даже крякнул.

— А после боя, когда я вышел из душа, подкатывает ко мне его тренер. «Ты,— говорит,— победил чемпиона области, но чтобы стать первой перчаткой в своем весе, надо еще много работать. Однако,— говорит,— игра стоит свеч». И тут же предлагает мне перейти к нему тренироваться... Ты чуешь, Арсений Павлович?!

Замедлив шаг, Тюменцев посмотрел на своего рослого сухопарого приятеля. Он ждал совета, Рубцов был намного старше его и опытнее. Впрочем, разница в возрасте не мешала им дружить по-настоящему, на равных правах. Наверное, сказывалось совпадение увлечений: оба любили спорт, были заядлыми охотниками и рыбаками. А может, причина их прочной дружбы крылась в исключительности ее завязки: четыре года назад при переправе через бурную Чену Рубцов спас Тюменцева от верной гибели.

Но как бы там ни обстояло дело в прошлом, теперь это была пара, что называется, водой не разольешь. И поэтому Тюменцев по-братски надеялся на разумную подсказку Арсения Павловича в непредвиденно возникшей ситуации: заманчивая своими перспективами работа с новым тренером требовала от боксера переезда в областной центр.

Заморосил дождь. Подняв воротник пальто, Рубцов неторопливо заговорил:

— «Первая перчатка»... Это, конечно, звучит. Только, Петь, тут надо все обмозговать, чтобы...

Не закончив фразы, он вдруг остановился и замер.

Тюменцев проследил за его взглядом, не обнаружил ничего достойного внимания и с подковыркой спросил:

— На кого это ты, Павлыч, стойку сделал?

— Минуточку, Петя! — Глаза у Рубцова сузились, стали строгими, он неотрывно смотрел на подъезд углового дома.

Там, на мокрых каменных ступенях, ведущих в парикмахерскую, у зеркальной витрины, стоял приземистый плечистый человек в черном грубом плаще. Прикрыв ладонями пламя спички, он закуривал. Потом спустился с крылечка и пошел наискосок через улицу.

Рубцов резко шлепнул Тюменцева по плечу.

— Подожди меня здесь! — И, обгоняя прохожих, ринулся за примеченным человеком.

Вскоре он вернулся, сказал, тяжело дыша:

— Оставил его в магазине, в очереди...

Тюменцев был в полном недоумении:

— Кто это? И на кой ляд он тебе сдался?

— Если не ошибаюсь, это Алексей Михайленко! — взволнованно пояснил Рубцов.— В оккупацию служил на Украине в немецкой комендатуре.

— Да ну?

— Он. Точно.

— Что же делать? — Тюменцев взглянул на часы.

— Бросать его нельзя,— сказал Рубцов.— Ты поезжай.

— А может, наплевать на эти соревнования?

— Нет, не годится. Ты не бойся, управлюсь...

Тюменцеву было неловко оставлять приятеля одного, он еще несколько минут тащился за ним следом, пока не увидел свой автобус, который как раз подкатывал к остановке.

Рубцов на прощание помахал Петру рукой. Через минуту он был у «Гастронома».

Дождь все моросил. Опускались промозглые сумерки, быстро темнело.

Михайленко вышел из магазина. В руке — небольшой бумажный сверток. Постояв немного, он зашагал вниз по улице.

Выждав, Рубцов двинулся следом. Не упуская своего подопечного из виду и стараясь не попасть ему на глаза, когда он время от времени оборачивал назад свое скуластое лицо, Арсений Павлович неотступно сопровождал его квартала четыре — до Большой Болотной улицы.

Возле трехэтажного кирпичного дома со светящимся номером «33» над зелеными воротами Михайленко остановился. Прежде чем открыть калитку, внимательно осмотрелся по сторонам и только после этого скрылся во дворе.

Дождь пошел сильнее. Рубцову пришлось искать убежища в ближайшем подъезде. Однако он тут же изменил свое намерение, оставил подъезд и быстро зашагал под дождем, не разбирая дороги...

Когда Арсений Павлович постучался в двери городского отдела госбезопасности, на нем не было сухой нитки.

— Мне срочно нужен ваш начальник,— нетерпеливо сказал он лейтенанту Зубкову, дежурившему в тот вечер.

— По какому вопросу?

— Я хотел бы переговорить лично...

Лейтенант молча подал взбудораженному посетителю стул, пошел доложить Маясову. Скоро вернулся.

— Заходите.

— Прошу прощения. Время позднее...— сказал Арсений Павлович, переступая порог. Стараясь не наследить грязными башмаками, он прошел к столу, осторожно опустился на краешек мягкого кресла.— Меня, товарищ майор, привели к вам, так сказать, чрезвычайные обстоятельства... Разрешите напиться?

Маясов налил из графина воды.

— Благодарю вас.— Рубцов в два глотка опорожнил стакан.— Я только что на улице случайно встретил человека, которым, мне кажется, не могут не заинтересоваться органы государственной безопасности...

Кабинет Маясова Рубцов покинул часа через полтора. Маясов шел рядом, заботливо поддерживая его под локоть.

— Большое вам спасибо, Арсений Павлович.

— Да за что же? — пожал плечами Рубцов.— Каждый бы на моем месте...

Продолжение следует.

А. КОВАЛЕНКОВ

Гвардеец

Сопку всю ночь словно в ступе толкли,
Насквозь снарядами просверлили,
А днем егеря в атаку пошли,
Упрямо и тупо на штурм повалили.
Но сопка жила.
И за сотню шагов,
На рубеже средь воронок и кочек,
В самую гущу бегущих врагов
Струей пулеметной хлестнул пулеметчик.
Ефрейторы в щебень валились ничком,
Гремя чужеземным железом;
В кустах офицер завертелся волчком,
Надвое перерезан.
Но этим на смену осатанело
Бежали другие.
И тут, как назло,
У пулеметчика ленту заело,
Пулей шальной плечо обожгло.
А противники — вот они!
В каске помятой,
Золотозубый ощерив рот,
Бежит эсэсовец...
Бей гранатой!
И пулеметчик
гранатой
бьет.
Он из окопа с винтовкой вылез.
Страха не зная, над смертью смеясь,
Пошел в штыковую.
Пошел...
И валились
Враги,
черно-бурою кровью
давясь.
Пулей —
в сердце,
Прикладом —
в сопатку!
— Врешь, не пройдешь! —
Он бил
наповал.
Как вдруг:
— Молодец,
хвалю за ухватку! —
Ему показалось,
что кто-то
сказал.
На гребне сопки, незрим для взоров,
Под русским знаменем боевым,
Со шпагой стоял
Александр Суворов,
Бойца осеняя
оружьем своим...

Алим КЕШОКОВ

* * *

«Над вымыслом слезами обольюсь...»
А. Пушкин. «Элегия».

Слов на ветер предки не бросали,
Не стреляли в облачную высь.
И, целуя синь каленой стали,
Перед боем словом не клялйсь.

И гласила надпись на кинжале,
Чтоб лихие помнили мужи:
«Из ножон не вырви без печали
И без славы в нóжны не вложи!»

Там, где подвиг был не в слове громок,
Речь взнуздать умели, как коня.
Впрямь за многословие потомок
Упрекнет когда-нибудь меня.

Не всегда я тех держался правил,
Что от века почитал Кавказ,
Но в стихах не лгал и не лукавил,
Плакавши над вымыслом не раз.

Перевел с кабардинского Я. Козловский.

Т. Голембиевская (Киев). УРОЖАЙ.

В. Петров-Маслаков (Ленинград). СОБОЛЯТНИК НИКИТА ДЗЯН.

Мартти ЛАРНИ

ЕЩЕ ОДНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Когда костюм шьют по особому заказу у портного, он обычно сидит безупречно, но и в этом случае все-таки допускают переделки. Если писателю журнал дает рождественский заказ, то за редактором, конечно, тоже остается право потребовать доделки и переделки, тем более что тема рассказа настолько избита, что, прочитав рассказ, редактор горько заплачет, а читатель пробежит глазами только заголовок.

Но, несмотря на это и вопреки всему, я пишу еще одну рождественскую историю, пишу и не для того, чтобы позлить редактора, и даже не для того, чтобы намекнуть читателю-отцу, чтобы он сбегал в ближайший универмаг и купил игрушки для детей. Я пишу этот памфлет по следующим причинам: будучи крайне щедрой натурой, я хочу сделать подарки всем знакомым и незнакомым и одновременно передать свои новогодние пожелания.

Мне хорошо запомнилось прошлое рождество, когда я чуть было не изрубил в щепки свой радиоприемник. Радиостанции христианского мира уже за неделю до рождественских праздников начали круглосуточные передачи — на весь мир один и тот же псалом: «Рождественская ночь — мирная ночь». А пока в студиях радиовещания менялись пластинки, фарисеи-убийцы посылали в небо свои послания «доброй воли». «Бедный Христос,— думал я тогда.— Рождество бывает один раз в год, но у тебя, как и у других, забот с этими бандитами по самое горло».

В западном понимании рождество и Новый год — пора коммерции и обжорства. Коммерсанты отчаянно рекламируют свои товары, а легковерные люди покупают на свои последние деньги или даже берут в кредит товары, которые им абсолютно не нужны. «Общество по борьбе с курением» рекомендует дарить курильщикам на рождество резиновые соски. А некая табачная фабрика предлагает новинку: сигареты специально для детей школьного и дошкольного возраста. Поскольку реклама обладает магической силой, люди покупают и то и другое. (Опасаюсь, как бы и моя жена не преподнесла мне в подарок к празднику соску!) Перспектива будущего как бы переворачивается по случаю рождества с ног на голову: отцы жуют соски, вспоминая о своем детстве; дети дымят сигаретами и размышляют о супружеской жизни за счет родителей.

Говорят, что военные власти США подняли судебный процесс против известной фабрики липучей бумаги, которая незадолго до рождества в одной из крупнейших газет страны опубликовала такого рода объявление: «Новая ракета на Луну не смогла оторваться от Земли. Почему? Да потому, что рекламные работники нашей фабрики приклеили ее к Земле липучкой «кипфаст».

Сейчас эта липучка нашла себе дорогу в магазины Европы. Работники рекламы советуют дарить ее к Новому году политикам, которые не умеют держать язык за зубами, что привело к повальной инфляции; джазистам, играющим кошачьи свадьбы; новобрачным, которые хотят расходиться сразу же после женитьбы; всем сплетникам и тем, кто любит похрапеть в свое удовольствие.

Со своей стороны я лично рекомендую эту замечательную липучку для запечатывания бумажников и сумочек до той поры, пока не пройдет покупательная эпидемия, вызванная бациллами рекламы, и пока из радиоприемников не перестанет разноситься: «Рождественская ночь — мирная ночь».

Моя супруга пала жертвой рекламы. Она собирается починить липучкой «кипфаст» мои старые домашние туфли и сломанный подсвечник. Липучка была приобретена в красивом картонном ящике, на котором написано: «Не пользуйтесь этим чудодейственным средством, не приобретя подробной инструкции». Инструкция стоила в пять раз дороже самой липучки, и это пробудило в моей жене задремавший было инстинкт экономии. Инструкцию она не купила и повесила ролик «кипфаста» на крючок в уборной...

Под рождество у нас раздался звонок. Краснощекий посыльный внес пакет с подарками для меня. Форма пакета заставила мое сердце биться учащенно, давление тоже приятно поднялось. Это был продолговатый, кверху суживающийся сверток, из которого доносилось мелодичное бульканье. Но некстати подоспевшая жена забрала пакет у посыльного и отдала его мне только в сочельник. Я развернул сверток, в котором оказался облагороженный армянскими мастерами виноградный сок и милое новогоднее поздравление от одного моего советского друга. К красивой этикетке на армянском языке липучкой «кипфаст» была приклеена записка, на которой было ясным почерком моей жены выведено: «Принимать, если не будет других предписаний врача, только как лекарство, 3 раза в неделю по столовой ложке!»

Можно ли после такого свинства говорить о женском инстинкте экономии? Лучше бы уж моя жена все-таки купила инструкцию для пользования липучкой «кипфаст», чтобы пользоваться ею по назначению. А мои домашние туфли, между прочим, так и не были починены!

Среди наших сельских рабочих бытует такая поговорка: «Было бы всегда рождество, тогда днем можно было бы спать, а ночью есть». Однако рождество — праздник обжорства, конечно, только для тех, кто имеет возможность этим заниматься. Большая же часть населения земного шара наслаждается в основном музыкой: минорному попискиванию, доносящемуся из пустого желудка, мажорно вторят церковные органы, звучит сладкая, успокаивающая проповедь попов: «Чем больше, братья, вы будете страдать на земле, тем лучше вам станет на небесах».

В Финляндии сравнительно высокий уровень жизни. Но, несмотря на это, за рождественским столом во многих семьях не будет привычных праздничных лакомств. В то время, когда одни будут расстегивать пуговицы жилеток для того, чтобы дать простор деятельному чреву, другие, напротив, будут затягивать ремешок в надежде на лучшие времена. Как раз на рождество эти обещания о лучших временах и раздаются особенно щедро. Прямо-таки беспредельно щедрыми бывают тогда наши доброжелатели! Кроме политиков и коммерсантов, как из рога изобилия сыплет обещания церковь. Но люди в развивающихся странах относятся к этим обещаниям с недоверием: «Христианское государство всеобщего благоденствия» научило их всему, кроме христианства.

Казалось бы, обязанностью церкви прежде всего является борьба против войны. Но в американских церквах благословляют на убийство детей. От американских церквей, отправляющих солдат во Вьетнам, христианство безнадежно далеко.

Но имеет ли смысл осуждать церковь? Она давно уже представляет собой исключительно сильный оплот против христианства.

Один министр Соединенных Штатов Америки в своей напыщенной речи по случаю наступления 1967 года заявил, что «с помощью бога США освободят порабощенные и угнетенные народы». Я нахожу, что американцам брать бога в союзники не имеет никакого смысла. И без его помощи они уже «освободили» тысячи порабощенных не только от угнетения, но и от самой жизни. Вот так и сбываются слова Священного писания: «Блаженны те, кто отдает и ничего не берет». А ведь США поистине дают. Бомбы. Даром. И ни цента не берут за это. Только человеческие жизни. Но ведь это такая мелочь!

Вот сколько места отняли у меня мои рассуждения, прежде чем я смогу перейти к основной теме: к раздаче подарков и новогодних пожеланий. Сейчас.

Могу заверить, что преподношу я их с самыми искренними чувствами и... в надежде на ответные подарки.

Я один из тех редких финнов, которым выпало счастье присутствовать в Москве на праздновании 50-летней годовщины Октября, созерцать на Красной площади грандиозный юбилейный парад. Там я окончательно убедился в том, что Великая Октябрьская социалистическая революция была исторической необходимостью. Она открыла путь к цели, которая сегодня достигнута. Советской молодежи я хотел бы сказать: «Цените труд и подвиг ветеранов революции, продолжайте идти по намеченному пути. Ваши исходные позиции теперь другие, чем у ваших отцов 50 лет назад. Сейчас настал ваш черед нести эстафету развития вперед. Покажите в 1968 году, в первом году второго пятидесятилетия, на что вы способны!»

Минувшей осенью я уже во второй раз лечил свои пресловутые позвонки в санатории «Россия» в Сочи. Я немного познакомился с хиропластикой. Одно время я считал, что хиропластика — это то, за что мужчину могут приговорить к тюремному заключению или, во всяком случае, дать по физиономии. Теперь я изменил свое мнение. Врачи «России», занимающиеся хиропластикой, сотворили два чуда. Во-первых, им удалось удлинить меня на 6 сантиметров в подводном аппарате вытягивания (это была очень приятная пытка!). Во-вторых, они вменили моей жене в обязанность носить мои чемоданы. Последнее обстоятельство способствует установлению равенства мужчины и женщины. Надеюсь, что теперь все мужчины, страдающие комплексом из-за своего низкого роста, обратятся к врачам «России» с просьбой растянуть их. А самим врачам и всему персоналу «России» я желаю счастливого Нового года. Одновременно пользуюсь случаем, чтобы добавить к этому еще одно пожелание: «Ради бога, дорогой обслуживающий персонал, не подавайте на стол столько еды, чтобы больной, избавляющийся от недуга, заполнял освободившееся место ожирением».

Я уверен, что когда «Огонек» будет праздновать свое 60-летие (надеюсь, мне опять удастся присутствовать на празднике в качестве незваного гостя), то врачи «России» приведут мою спину в такой порядок, что я смогу сплясать «барыню».

Мода — это общественное мнение, выраженное языком одежды. Дамские юбки в 1967 году стали выше колен. Мой друг, врач, утверждал вчера, что только один мужчина из ста способен увлечь за собой других мужчин, в то время, как за женской «мини-юбкой» послушно пойдут 99 мужчин из ста. Однако мне лично «мини-юбки» доставили больше неприятностей. Как-то я сказал жене, что чулки у нее на коленях сильно сморщились. На это она сердито огрызнулась, сказав: «Я без чулок».

Люди, подверженные романтике, к рождеству объявляют о своей помолвке или вступают в брак. Любить — это сентиментальная корь, которой в молодости должен переболеть каждый. В связи с наступлением Нового года я поздравляю всех заболевших любовью и прежде всего тех, кто влюбляется так часто, что не успевает вступить в брак. Мой близкий родственник на рождество женился в четвертый раз. Я поздравил его в самых теплых словах и сказал:

— Твоя четвертая жена очень хорошая. Ты веришь в любовь навеки?

— Конечно, верю. Любовь вечна, только жены меняются.

Его шестилетняя дочка тоже была счастлива от новой мамы. Захлебываясь от восторга, она рассказала мне после свадебных обрядов:

— Милый дядя, у меня теперь четыре мамы от первого папы и четыре папы от четвертой мамы.

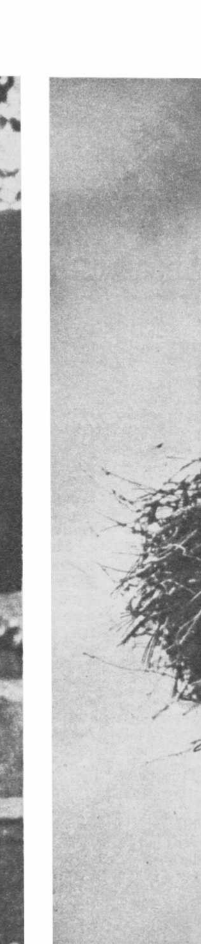
На дне моего мешка с подарками много новогодних пожеланий. Я желаю, чтобы президентом в нашей стране был вновь избран Урхо Кекконен; чтобы контакты писателей Советского Союза и Финляндии развивались; чтобы Агентство печати «Новости» приступило к изданию «Спутника» на финском языке; чтобы грузинские друзья-писатели отказались от традиционного обычая пить за здоровье своего гостя 33 обязательных и 10 необязательных тостов; чтобы современная молодежь перестала завязывать свои длинные волосы узелком или заплетать их косичкой; чтобы конгресс США — страны, где от укусов крыс погибло в 1967 году много детей, нашел бы в своих миллиардных военных фондах средства для покупки крысоловок; чтобы промышленность медикаментов изобрела новый препарат, который излечил бы военный психоз и сатанинскую жажду убийства, а честолюбцы, болеющие наполеоновским комплексом, отказались бы от завоеваний чужих стран, чтобы хунвэйбины начали шить дамские шубки из шкур бумажных тигров etc.

У меня в запасе еще много других ценных новогодних пожеланий. Но если я выскажу их все разом, меня сочтут транжиром, и, кроме того, я должен быть осторожным в своих словах, потому что у жены осталась еще липучка «кипфаст».

Это, однако, не помешает мне пожелать читателям журнала «Огонек», всем моим советским друзьям самого что ни на есть счастливого Нового года!

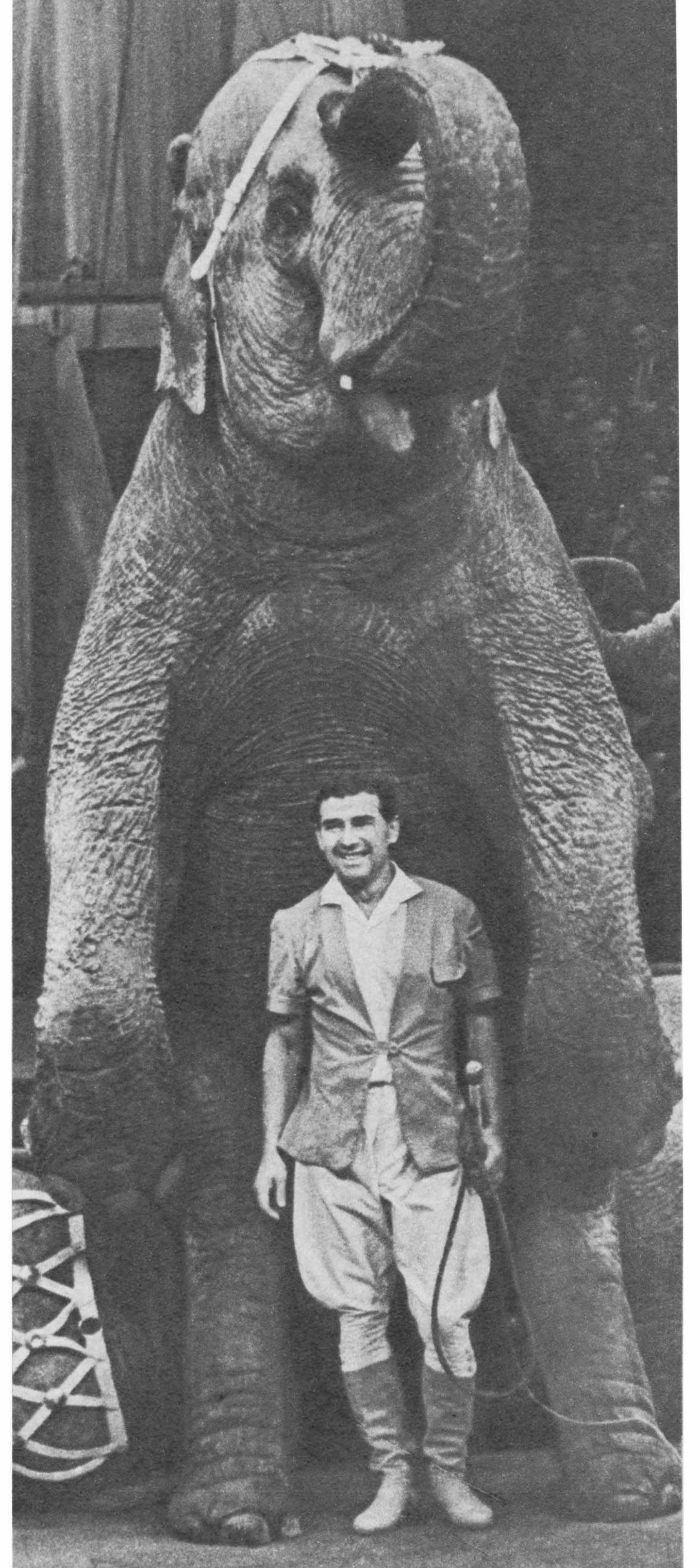

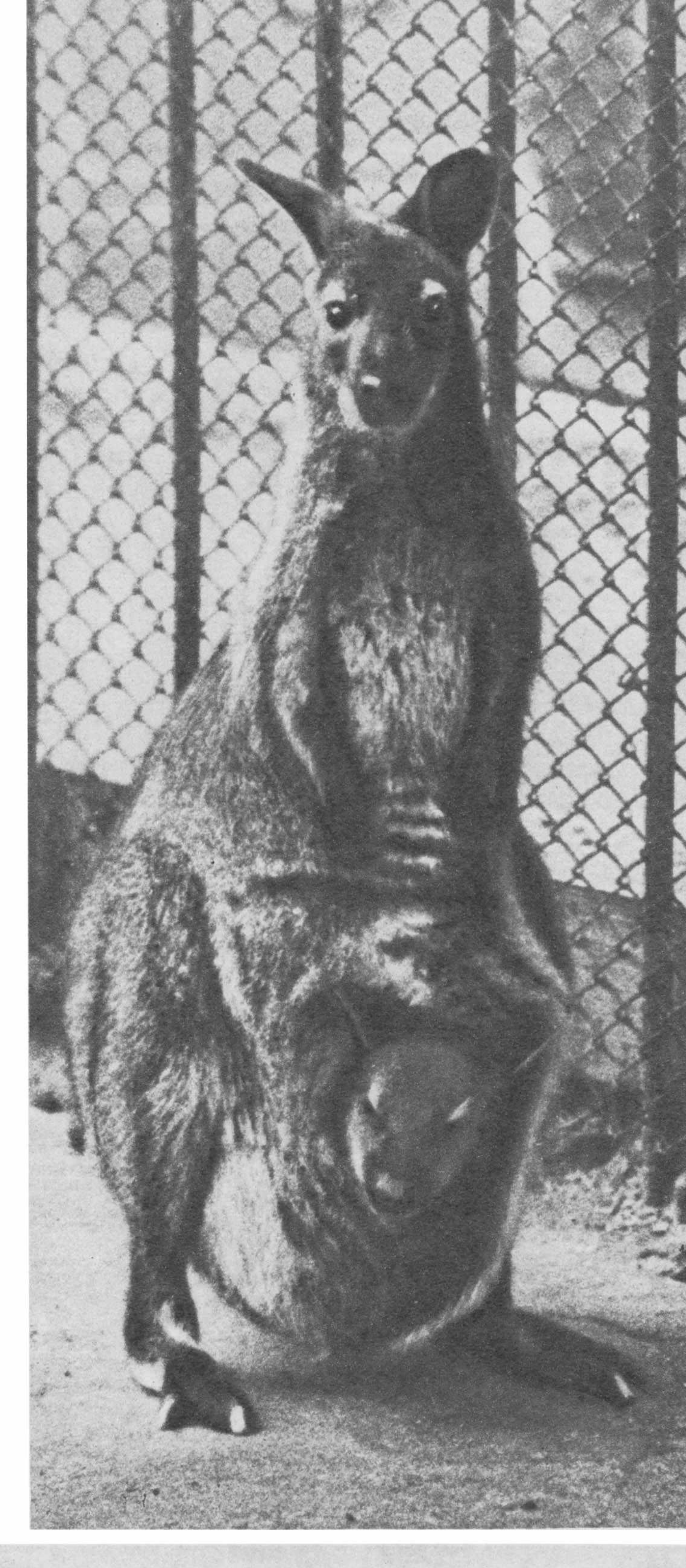

ДВОЕ

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина, А. Гостева, Г. Копосова.

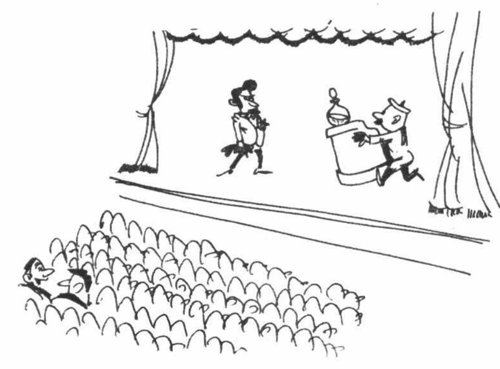

ДВОЕ

— Чтобы похудеть, ешьте обезжиренные продукты.
— До еды или после?

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— А сейчас Чацкий прочтет свой знаменитый монолог.

Рисунок Е. Шабельника.

Федор ЦЕЛИЩЕВ

РАСТУЩИЙ ДРУГ

Предчувствие

Был голосок,
Теперь —
басок.
А будет бас —
Забудет нас...

НА БАЗЕ «ЗАГОТЗЕРНО»

Терпеть не мог возни мышиной:
Он воровал зерно машиной.

ДВЕ САТАНЫ

Муж да жена —
одна сатана...
Пословица эта и ныне верна.
Но слышится крик
из-за толстой стены...
По-моему,
там
все же
две
сатаны.

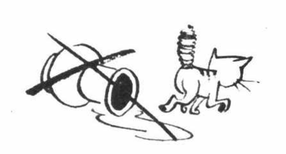
СОСЕДКА И БОГ

Я думал, небом награжден —
Нам бог послал соседку эту...
Теперь вполне я убежден,
Что бога
не было
и нету!

САМАЯ КОРОТКАЯ БАСНЯ

Голодный кот стерег сметану.
. . . .
. . . .
Об остальном
рассказывать не стану

НЕПОПРАВИМЫЙ АВТОМАТ

В буфете старый Автомат
Вздыхал самокритически:
— Поймите, я не виноват...
Краду
автоматически!

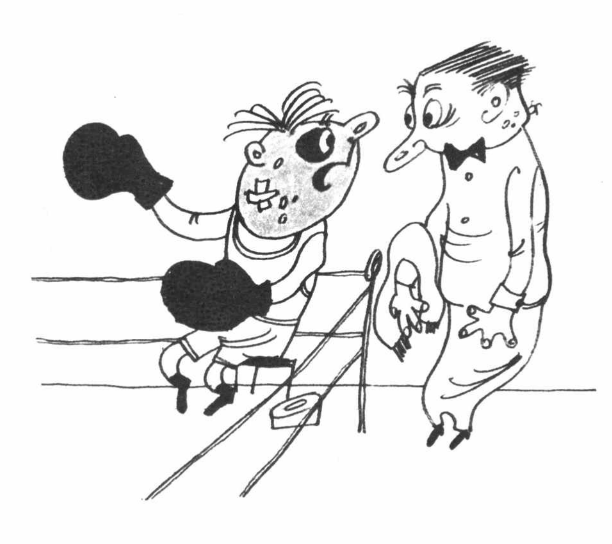
ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

Осел
за пять минут
женился,
Потом
до смерти
разводился.

ЦЕНА КАЧЕСТВА

У нас идет ремонт опять
И ремонтируют
на ять.
Блестят полы,
крепка палитра —
Лишь успевай
носи
пол-литра.

— Если он меня еще раз ударит, я за себя не ручаюсь!
Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

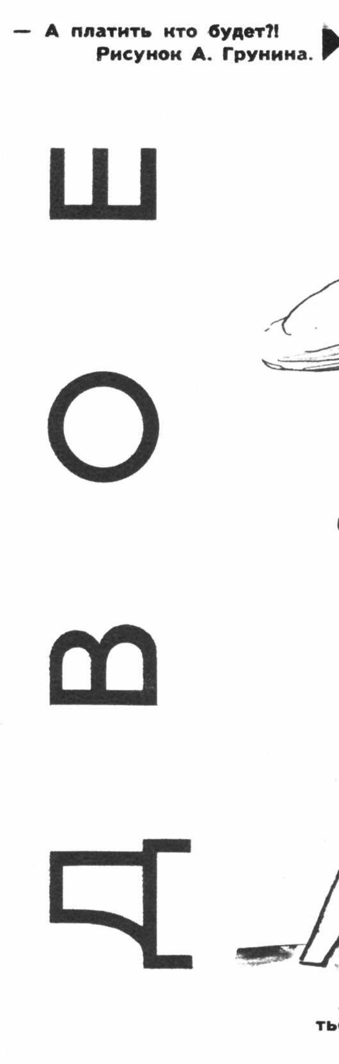
— Товарищ, где вы купили наряженную елку?
Рисунок В. Тамаева.

Без слов.
Рисунок Э. Пихо.

— А платить кто будет?!
Рисунок А. Грунина.

— Мы договорились с ней встретиться под часами.
Рисунок Е. Шабельника.

— Опять просят вас...
Рисунок Б. Боссарта.

— Как вам удается не путать их?
— А мы назвали их разными именами...
Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— Ого, сколько времени третьего ищут!
Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— Ты долго будешь висеть на телефоне?
Рисунок В. Тильмана.

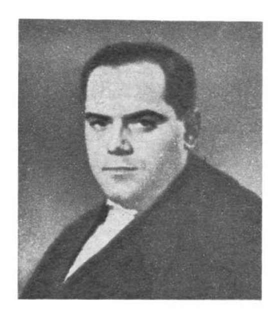
Без слов.
Рисунок Б. Боссарта.

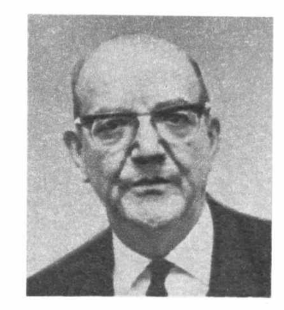

М. Алексеев

М. Белахова

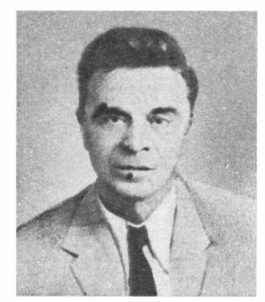

Г. Боровик

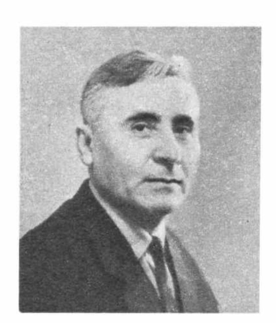

П. Боцу

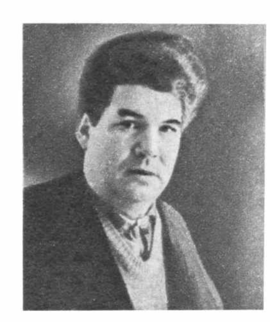

Э. Вилкс

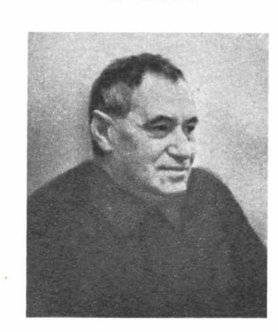

А. Вюрмсер

Н. Жуков

И. Зильберштейн

А. Калинин

М. Карим

В. Катаев

М. Каюмов

Вс. Кочетов

Д. Кугультинов

А. Кулешов

Дж. Мавлянов

М. Магауин

Э. Межелайтис

П. Панч

Ю. Пименов

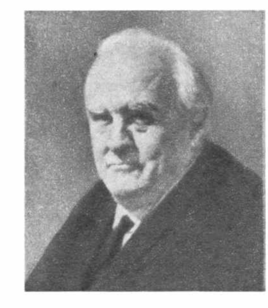

Л. Попов

Р. Рза

Н. Родичев

Г. Севунц

Л. Соболев

Н. Тихонов

И. Тункель

М. Турсун-Заде

Р. Чейшвили

К. Черевков

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1967 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1967 года.

М. Алексеев. Повесть «Карюха» (№№ 18—21). М. Белахова. Повесть «Разлад» (№№ 17—21). Г. Боровик. Очерк «Это когда бы-ыло!» (№№ 28—29). П. Боцу. Очерк «Пора возвращения аиста» (№ 23). Э. Вилкс. Рассказ «Велосипед» (№ 9). А. Вюрмсер. Публицистика. «Когда Советскому Союзу будет 100...» (№ 45). Р. Гамзатов. Стихи «К заветным вершинам!» (№ 48). А. Дейнека. Статья «Жизнь, искусство, время» (№ 45). Б. Ефимов. Карикатуры (№ 45). Н. Жуков. Статья «Всегда в строю» (№ 49). И. Зильберштейн. Очерки «Парижские находки» («Огонек» 1966—1967 гг.). А. Калинин. Роман «Гремите, колокола!» («Огонек» 1966—1967 г.г.). Очерк «Не для себя» (№ 47). М. Карим. Репортаж «Носящий имя революции» (№ 45). В. Катаев. Фрагменты из романа «Трава забвенья» (№№ 8—11). М. Каюмов. Репортаж «Чудесное зеркало» (№ 30). А. Кешоков. Стихи «Стихи-стрелы» (№ 13). В. Кожевников. Рассказ «Два солдата» (№ 24). Г. Копосов. Серия фото «Антарктида-67» (№ 33). Вс. Кочетов. Очерки «Итальянские записки» (№№ 7—10). Д. Кугультинов. Поэма «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом» (№ 33). А. Кулешов.

Р. Гамзатов

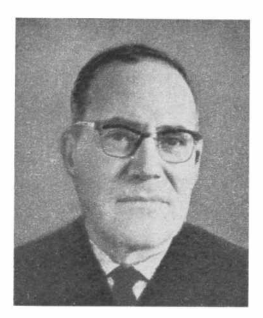
А. Дейнека

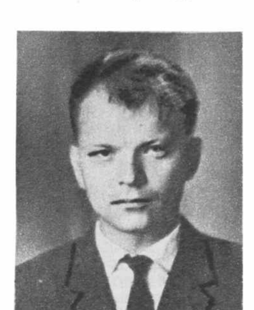
Б. Ефимов

А. Кешоков

В. Кожевников

Г. Копосов

Д. Методиев

Ю. Нагибин

Дж. Олдридж

Б. Сейтаков

И. Сельвинский

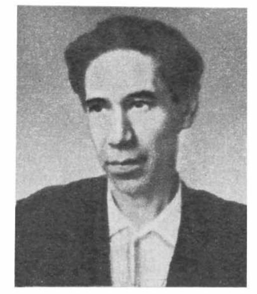
Ю. Смуул

А. Черняховский

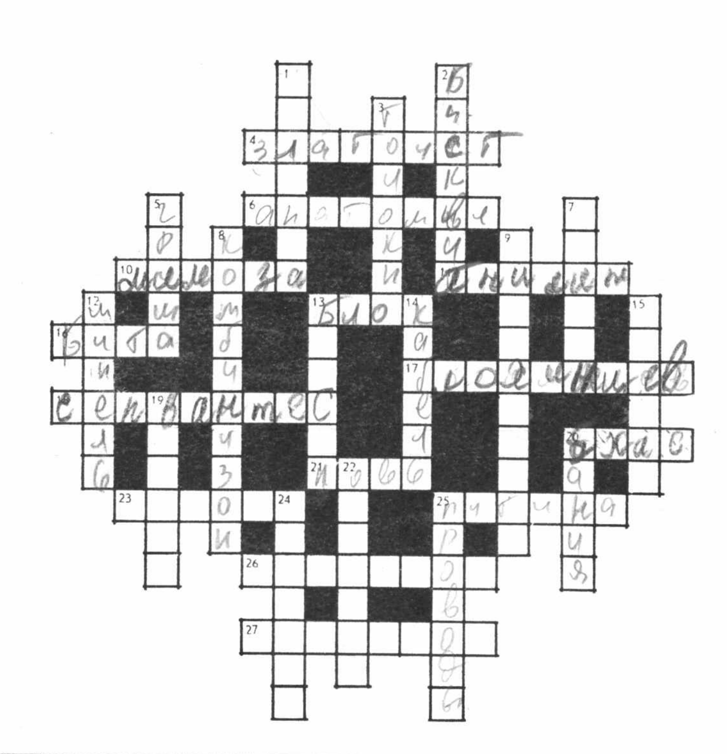

Н. Шмелев

Шукрулло

Стихи «Из ранних книг» (№ 47). Дж. Мавлянов. Рассказ «Лепешка» (№ 38). М. Магауин. Рассказ «В сумерках» (№ 36). Э. Межелайтис. Публицистика. «Поиск прекрасного» (№ 34). Д. Методиев. Стихи «Сердца чуткие радары» (№ 22). Ю. Нагибин. Рассказ «Таинственный дом» (№ 3). Дж. Олдридж. Повесть «Мой брат Том» (№№ 43, 44, 46—51). П. Панч. Рассказ «Три копейки» (№ 41). Ю. Пименов. Статья «Из окна нашего дома» (№ 44). Л. Попов. Стихи «В сторону океана» (№ 6). Р. Рза. Стихи «Розариум» (№ 49). Н. Родичев. Рассказ «Лада-Ладушка» (№ 37). Г. Севунц. Рассказ «Спор с дядей Арташесом» (№ 26). Б. Сейтаков. Рассказ «Лодочник Розы» (№ 4). И. Сельвинский. «Стихи Ирэны Волковой, поэтессы, которую я придумал» (№ 24). Ю. Смуул. Рассказы «О штиле», «Песнь смерти» (№ 20). Л. Соболев. Очерк «Клятва Хиросимы» (№ 13). Н. Тихонов. Стихи «Лет крылатых пламя» (№ 45). И. Тункель. Фоторепортаж о Ленинграде (№ 42). М. Турсун-Заде. Публицистика. «Все это было...» (№ 14). Р. Чейшвили. Рассказ «Смерть Аль-Разака» (№ 7). К. Черевков. Очерк «День первый» (№ 1). А. Черняховский. Репортажи «Союзник — холод» (№ 3). «Смерть и воскрешение Марины» (№ 6). Н. Шмелев. Публицистика. «Из мира деловых людей» (№ 33). Шукрулло. Поэма «Ташкент, двадцать шестое» (№ 12).

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город в Челябинской области. 6. Наука о формах и строении тела человека. 10. Декоративное растение. 11. Полупродукт для производства красителей. 13. Автор поэмы «Двенадцать». 16. Палка для игры в городки. 17. Советский физик. 18. Испанский писатель. 20. Эстрадный оркестр. 21. Роман И. С. Тургенева. 23. Приток Хопра. 25. Рыболовный сезон. 26. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 27. Преобразователь звуковых колебаний в электрические.

По вертикали:

1. Народный духовой инструмент. 2. Кондитерское изделие. 3. Овсяная мука. 5. Плодовое дерево. 7. Спутник планеты Нептун. 8. Производственный костюм рабочего. 9. Птица отряда утиных. 12. Повесть Н. В. Гоголя. 13. Река на Северном Кавказе. 14. Электрический изолированный провод. 15. Парусный корабль. 19. Порт в Финском заливе. 20. Государство в Европе. 22. Черный тополь. 24. Полудрагоценный камень. 25. Песня на стихи Д. Бедного.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52.

По горизонтали:

5. Перрон. 7. Пионер. 8. Имандра. 9. Шахматы. 11. Руза. 13. «Далибор». 15. Туба. 17. Боровиковский. 18. Нура. 20. Артишок. 23. Руан. 27. Эстрада. 28. Вокализ. 29. Кармин. 30. Оцелот.

По вертикали:

1. Термез. 2. Франс. 3. Поэма. 4. Бештау. 6. Нерча. 7. Плато. 10. Бисквит. 11. Рубин. 12. Айова. 13. Диона. 14. Русак. 15. Триер. 16. Алтын. 19. Рустам. 21. «Рудин». 22. Олово. 24. Унисон. 25. Трюмо. 26. Лазер.

Обложка художника Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей—Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00518. Подписано к печати 26/XII 1967 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 17 Заказ № 3643.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОЛ СКОФИЛД ЖЕЛАЕТ СЧАСТЬЯ

Пол Скофилд в роли Макбета.

Шел последний спектакль шекспировской трагедии, последняя встреча Пола Скофилда — Макбета со зрителями. Пройти за кулисы и задать несколько вопросов Скофилду оказалось очень трудной задачей. Но вот я в гримерной Скофилда; традиционное пожелание дальнейших успехов и вопрос:

— Вы имели, Пол, очень много встреч с советскими людьми; бывали на многочисленных приемах, почувствовали, какой сердечностью были окружены ваши гастроли. Что вы можете сказать о советском зрителе?..

Большие, немного усталые серые глаза Скофилда становятся теплыми и добрыми. Немного помолчав, словно что-то вспоминая, он говорит:

— Мне приходилось бывать во многих странах, общаться со многими людьми... Советский зритель самый лучший в мире!

— Скажите, пожалуйста, что вам удалось посмотреть в московских театрах?

— Я, к сожалению, был почти ежедневно сам занят в спектаклях, поэтому мне удалось побывать только один раз в Малом театре на «Ревизоре». Это было очень интересно! Ведь я в прошлом году в «Олдвиче» — нашем лондонском филиале — сыграл Хлестакова.

— Давно ли состоялась премьера «Макбета»?

— В Стратфорде мы показали 54 спектакля. После московских гастролей мы познакомим со своей работой лондонцев.

— Где побывали английские артисты за время своего пребывания в Москве?

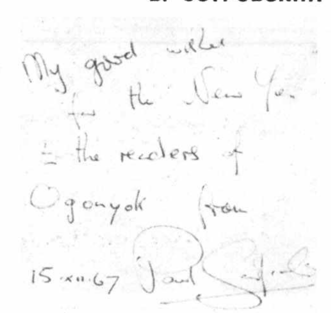
— О, было очень много интересного! Мы встретились с артистами Художественного театра. Были на приеме в Доме актера и в Доме дружбы; посетили Третьяковскую галерею, музеи Пушкина и Революции; познакомились с панорамой «Бородинская битва»; видели сокровища Оружейной палаты. Ну, и понятно, посетили Мавзолей В. И. Ленина... Мы увозим с собой самые теплые воспоминания о гастролях в Ленинграде и Москве.

— Пол, последняя просьба: что вы хотели бы пожелать читателям «Огонька»?

— Счастья!

На листке появляются теплые слова, написанные энергичным почерком... Счастливого же пути и вам, Пол, счастливого Нового года вам и вашему театру! До новых встреч!

Б. ОСТРОВСКИЙ

Хочу говорить, как с родными

О Мик Мишель один из французских писателей сказал: «Это самая талантливая девушка Парижа. Она с такой же легкостью пишет музыку, как дышит, она поет так же, как смеется, и она смеется, как поет. Мик Мишель — это сам Париж».

Я беседую с Мишель, прошу ее:

— Поделитесь, пожалуйста, вашими мыслями с читателями «Огонька».

— Франция,— говорит Мишель,— тесно связана с СССР. И французы это чувствуют особенно ясно, когда им представляется случай встретиться с советскими людьми. Я бы хотела поговорить с вами, как с друзьями, или, вернее, хочу говорить, как с родными, которых до этого никогда не видела и вдруг неожиданно встретила!

Светлые глаза Мишель излучают свежесть и радость жизни. Немного задумавшись, Мишель продолжает:

— Я люблю жизнь, я верю в любовь, верю в человека, который несет в себе частицу этой любви... Я люблю цветы, искусство, землю, море, животных. С детства я очень любила рисовать; это увлечение осталось у меня на всю жизнь — вот посмотрите, как быстро я рисую! Я выступаю на эстраде; сама пишу и музыку и слова своих песен. Во время отпуска я люблю косить траву и выращивать цветы. Занимаюсь подводной охотой. Умею ковать — делаю самые различные предметы из старых, заржавленных лопат... Во Франции я была первой женщиной-композитором, певцом и автором своих песен; до меня таким артистом был Шарль Трене. Когда я приехала в Париж из своего родного города Лиона, я была только художником. Никогда не думала, что стану композитором и исполнительницей.

Ну, а когда я посетила Советский Союз, мое сердце было полно различных мелодий; в голове уже складывались слова будущих песен. Я думаю, что на свет вскоре появится одна из моих новых песен об этой поездке.

Я шлю советским читателям «Огонька» наилучшие пожелания в новом, 1968 году!.. Я желаю всем найти любовь, достойную их любви! Я никогда не забуду своих гастролей в Минске, Вильнюсе, Риге, Москве. Я знала, что французские артисты всегда встречали в Советском Союзе самый теплый прием, но никогда не ожидала такого радушия, такой теплоты. Каждый мой концерт — это тесное единение со зрителями. Они превзошли все мои ожидания. Ведь я хотела к вам приехать в течение многих лет и была готова полюбить вас, а вы?..

На этом лукавом вопросе наша беседа кончается. Мик Мишель знает, что мы ее полюбили.

О. БОРИСОВ

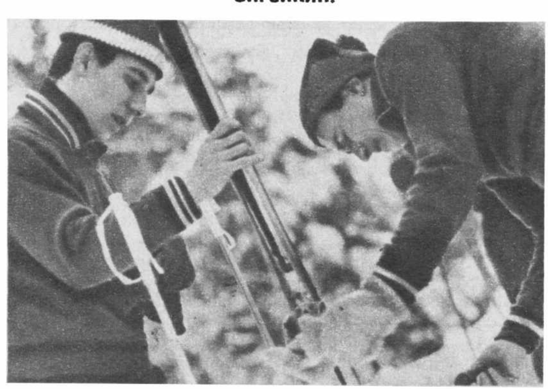

ЗДРАВСТВУЙ, ЗИМА!

(См. 2-ю стр. обложки)

Два поклонника лыж: Юрий Некрасов и Вячеслав Сигейкин.

Пароль — «Планерная». Отзыв — «Лыжи». Эти два слова откроют вам все сердца на заводе «Калибр».

Услышав слово «Планерная», люди начинают улыбаться и заранее планировать свои выходные дни. Впрочем, для многих все ясно заранее: электричка с Ленинградского вокзала в субботу, в шестнадцать нольноль, билет до станции Химки, автобус номер двадцать восемь до самой лыжной базы. А потом полчаса на сборы — получить снаряжение, если вы не привезли своих лыж, наметить маршрут, собрать компанию — и в лес.

Так планируют свой субботний день самые завзятые лыжники. Они останутся ночевать на базе, чтобы с утра снова встать на лыжи. Ну, а остальные приедут на Планерную в воскресенье утром. Приедут целыми семьями, чтобы находиться и надышаться всласть.

На «Калибре» уже давно лыжи стали делом семейным. Даже главная лыжная душа — старший мастер Вячеслав Сигейкин не помнит, в каком году построена на Планерной лыжно-туристская база. Сперва это было несколько больших палаток в лесу, а потом их сменили двенадцать домиков. И надо сказать, что выбрали место калибровцы для своей базы отличное. Планерная славится как лыжная Мекка. Здесь проходит сильно пересеченная дистанция — арена борьбы для лучших гонщиков страны. А леса какие! Не найти лучших для прогулок. И горы для слаломистов и саночников крутизны такой, что дыхание захватывает. Словом, тут каждый может найти отдых по своему вкусу. Члены лыжной секции, те, кто выступает на соревнованиях, проходят тридцать километров в высоком темпе, а семейство Суслиных — Александр, Ольга и их дочь Ира — вместе с семейством Русиных испытывают новый тип саней, сделанных своими руками на заводе. Один из старейших работников «Калибра», начальник цеха А. Зотов, любит один походить по целине, в то время как конструктор завода Алла Шишлова вместе с мужем и двумя сыновьями предпочитает прогулку всей семьей.

Пароль — «Планерная». Отзыв — «Лыжи». Эти два слова открывают калибровцам все просторы зимы.

ПРОВОЖАЕМ СТАРЫЙ ГОД

Рисунок В. Тильмана.

ВЕНЕРА 4
СССР
ВЕНЕРА
До чего же здесь отличная видимость!
За встречу!
КОСМОС 188
КОСМОС 186
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ РАКЕТА
Чому я не сокил? Чому не литаю?
РЕСТОРАН Седьмое небо
Нью-Йорк
Рим
Дели
Париж
Осло
Прага
АЭРОФЛОТ
Монреаль
Лондон
Это нам подарили к празднику.
А всё-таки хорошо, когда два выходных!
МАССОВКА
ВЫСТАВКА ПРАЗДНИЧНЫХ ПОДАРКОВ 1967
ОТ СТРОИТЕЛЕЙ
ПТИЧЬЕ МОЛОКО
ОТ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ
ОТ ЭЛЕКТРОНЩИКОВ
ОТ ХИМИКОВ
ОТ ОБУВЩИКОВ
ОТ ШВЕЙНИКОВ
ОТ ХЛЕБОРОБОВ
ОТ ЭНЕРГЕТИКОВ
О ПЕНСИОННЫХ ЛЬГОТАХ
Интересно, ак чувствуешь себя на седьмом небе?
СССР ВОСТОК
папа, а этот павильон полетит на Марс?
ВДНХ ПАВИЛЬОН КОСМОС
Ну, еще один залп!
АВРОРА
МЕНЮ
Ну, мне пора!
12
1967
Такую высоту я еще не брал...
КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС
Это наш праздничный салют!
ЧУГУН

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

1968

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
Понедельник	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Вторник	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Среда	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27	3 10 17 24
Четверг	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28	4 11 18 25
Пятница	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Суббота	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Воскресенье	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31	7 14 21 28

	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
Понедельник	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вторник	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Среда	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Четверг	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Пятница	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Суббота	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24 31
Воскресенье	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25

	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Понедельник	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Вторник	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Среда	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Четверг	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Пятница	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Суббота	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Воскресенье	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 8 МАРТА — Международный женский день, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся, 9 МАЯ — праздник Победы, 7—8 НОЯБРЯ — 51 год Великой Октябрьской социалистической революции, 5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.